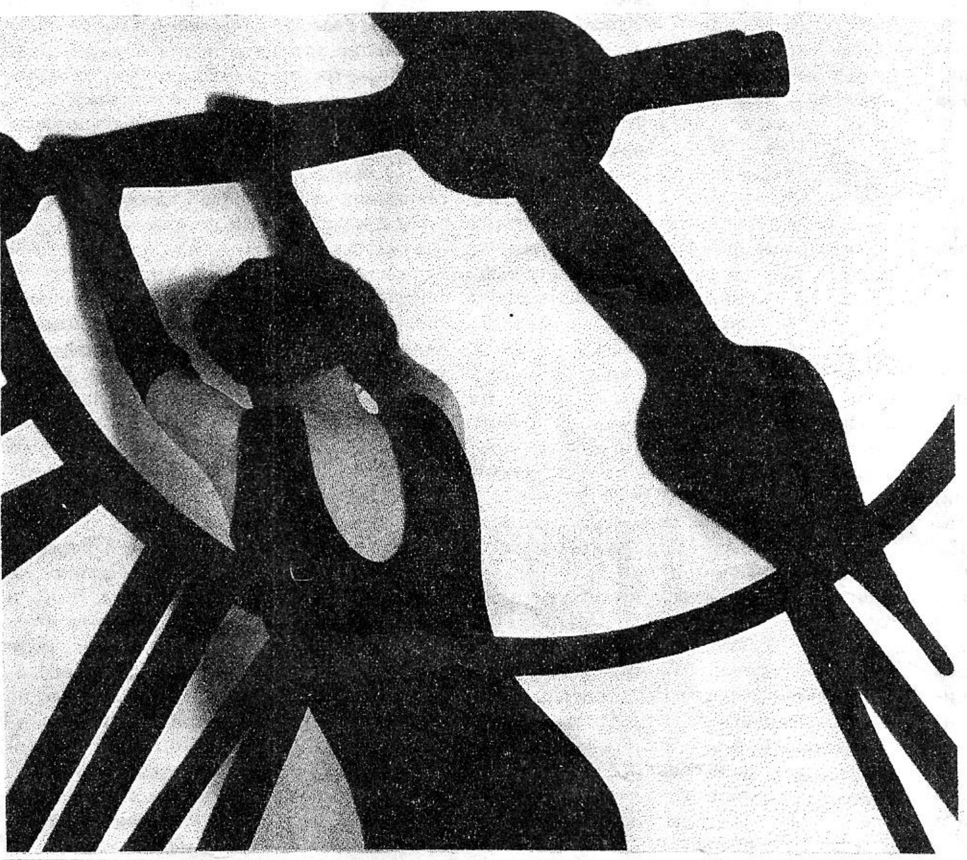
Наперекор

Журнал - катализатор умственного брожения
Москва N 1 март-апрель 1996

Ты держишь в руках несколько простых листов бумаги, кое-как скрепленных между собой. Это самиздат, милая (милый). Вероятно, мы тебя еще и в глаза не видели, и не боимся об этом прямо заявить, отбросив всякие там "дорогие читатели" и "просто мы работаем для вас". Всмотрись внимательнее! Перед тобой - катализатор умственного брожения "НАПЕРЕКОР". Он опирается на традиции независимого социалистического вестника "Община" (1987-1993гг.), в дальнейшем развитые и дополненные "Великим Отказом", "Аспирином не поможет", "Волей", "Вуглускром" и "Прямым действием". У нас в редакции есть анархисты различных толков, есть и вовсе бестолковые, есть и те, кого можно определить широким словом "либертарии". Кого мы не любим? Коммунистов, "демократов", фашистов всех мастей, капиталистов и разных прочих государственников. Кого мы любим? Долго рассказывать. Быть может, прочитав наш катализатор, ты это поймешь.

Так что читай, пиши, прилагай усилия, и, если почувствуешь, что в голове у тебя что-то зашевелилось - не удивляйся и не пугайся. Это мысли.

О ПОЛЬЗЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Президентские выборы - полезное и благородное начинание.

В самом деле - не будь их, разве вспомнили бы вожди нашего народа о задолженностях по зарплате различными категориями трудящихся? Разве заговорили бы упомянутые вожди о необходимости "как-нибудь" закончить войну на Кавказе? Разве сняли бы с министерских должностей нескольких старых кровопийц и воров, чтобы заменить их новыми? И все это благодаря грядущим президентским выборам!

Вот жаль только, что бывают эти выборы очень уж редко. Хорошо бы сделать их хотя бы ежемесячными, а еще лучше ежедневными. Тогда бы, может быть, и транспорт не дорожал, а шахтерам с учителями бастовать не пришлось бы, и Грачева судили бы и даже расстреляли бы всенародно (а потом распродавали по частям - как берлинскую стену), и войска из Чечни вывели бы в рамках предвыборной кампании, и даже, наверное, на это время самолеты падать перестали бы, а нефтепроводы перестали бы прорываться. А уж сколько храмов Христов Спасителей понастроили, сколько новых линий метрополитена открыли бы в рамках предвыборной кампании!

Так что: даешь перманентные президентские выборы!

Полина Елисеева

ОПЫТ, СЫН ОШИБОК ТРУДНЫХ

Любопытная статья появилась недавно в близкой к городским властям газете "Московская правда". Ее автор высмеял утверждения о "неоправданности" протестов трудящихся, которые будто бы направляются некими "оппозиционными силами". Он посчитал своевременным напомнить старую и забытую "демократами" истину: "Любой старшеклассник засвидетельствует, что эксплуатация... влечет подъем классовой борьбы...". Признание сделано сквозь зубы, но прятать голову в песок было повидимому, больше нельзя. По стране прокатываются стачечные волны. Только за первые 6 месяцев прошлого года в России состоялось 1500 забастовок (в три раза больше, чем за тот же период 1994 года) с участием свыше 250 тысяч человек. Осенью прошлого года спорадические протесты работников разных отраслей продолжались, - люди требовали в основном выплаты задержанной зарплаты. А в январе-феврале 1996 года последовали "всеобщие" забастовки шахтеров и учителей.

Казалось-бы люди труда наконец-то, после 4 лет открытых издевательств и беспардонного ограбления со стороны перекрасившейся в матрасный "триколор" номенклатуры взялись за ум и сообразили, что права не дают, а берут. Увы, не все так просто. "Мы ж не Хранция какая, чтобы смуту учинять!" Старая шутка неформалов, гласящая, что лучший способ загубить дело - это возглавить его, и на сей раз доказала свою правоту. Причем претендентов на роль пагубных главарей снова хоть отбавляй. Особо отличились официальные профсоюзы и "неофициальные" сталинисты.

Как это происходит на практике? Рассмотрим это на примере забастовочного движения работников школьных и дошкольных учебных заведений Подмосковного региона.

Учителя, детсадовские и ясельные воспитатели, нянечки и т.д. - одна из самых нищих категорий трудящихся. Год назад ставка школьного преподавателя в Подмосковье едва превышала 100 тысяч рублей. Прожить на эти деньги было, разумеется, невозможно; приходилось работать на две ставки, что резко ухудшало качество преподавания. Молодежь не желала идти работать в школу. Оставались либо энтузиасты, либо те, кому деваться было некуда. В детсадах и яслях положение сложилось еще более катастрофическое. Неудивительно, что эпизодические, нескоординированные и вялотекущие забастовки преподавателей вспыхивали то тут, то там. Инициатива часто шла снизу.

В Подмосковье стачком возник в феврале прошлого года в Электростали. Затем движение охватило и другие города области. Учителя потребовали повышения зарплаты в 4-5 раз с последующей ежеквартальной индексацией. От них досадливо отмахнулись, и стачком решил объявить забастовку 24 апреля. Но тут вмешались ФНПРовские профбоссы, - они уговорили отложить выступления, пообещав организовать всеобластную стачку учителей. Оглашенные ими требования были просто смехотворны: повышение зарплаты на 30 процентов. Дряблость и трусость проедающих профвзносы функционеров вывела работнкиов из себя. В конце апреля активисты сформировали областной стачком из представителей городских стачечных комитетов, а 15 мая, так и не дождавшись обещанного профкомычами общего выступления, в четырех городах области вспыхнули забастовки преподавателей. Оставшись разрозненными, столкнувшись с репрессиями директоров школ и не получив обещанной поддержки, стачки были через пару дней задавлены. Горькое чувство поражения оставило свой след надолго.

22 мая официальные профсоюзы провели наконец обещанную всеобластную забастовку учителей. Она осталась чисто ритуальным, ни для кого неопасным и не вызвавшим большого энтузиазма актом, к тому же еще не распространившимся на Москву. Заранее выпросив у властей мизерные подачки, профбоссы теперь объявили происшедшее своей победой. Но кого они могли обмануть? Было совершенно ясно: ни одна из проблем, с которой сталкиваются работники сферы образования и другие "бюджетники", не решена. Все же профбоссам удалось "дотянуть" до конца учебного года. Под угрозой потерять последние остатки влияния они вынуждены были заявить о том, что стачки могут возобновиться после начала нового учебного года.

К 1 сентября учителя получили новые символические "подарки": небольшое повышение зарплаты, очередные обещания, а заодно и ряд мер, которые могли внести раскол в их ряды. Скажем, пенсионерам разрешено было работать и одновременно получать свою скудную пенсию. Всего этого оказалось достаточно, чтобы посеять колебания. В таких условиях областной стачком решил отложить новые выступления, а однодневная "всеобщая" стачка работников образования в конце сентября стала очередным выпусканием пара.

Усталость, деморализация и раскол рядов трудящихся отрасли мелкими и выборочными уступками властей не позволили поднять школы на борьбу. Здесь-то и следовало бы начать подготовку к новой, уже не символической, забастовке. Но увы: разочаровавшись в профбоссах, подмосковные преподаватели попались в новую ловушку, которая называлась "политика". Еще весной была создана новая организация под характерным названием "Учителя за нравственность, патриотизм..."; преобладали в ней сталинисты всех мастей во главе с "Трудовым Подмосковьем", КПРФ и иже с ними. С лета областной стачком все больше и больше попадал под влияние этих профессиональных псевдореволюционеров, которые всеми силами пытались переориентировать работников сферы образования с экономической борьбы на поддержку их предвыборных кампаний. Спекулируя на сильных патерналистских настроениях, на чувствах безнадежности, подогревая несбыточные надежды на установление новой власти, которая сверху, по своей доброй воле решит все проблемы людей труда, политиканы полностью вовлекли стачкомовцев в свои игры. Они добились от них поддержки своих кандидатов на выборах и, в свою очередь, включили в списки нескольких прдставителей стачкома. Все силы и средства, которые могли бы быть потрачены на организацию новой, лучше подготовленной и более упорной стачки, были брошены в пучину выборов и бесславно сгинули там. Чем больше голосуют, тем меньше бастуют! Да и понятно, что могут получить люди труда от пары-тройки бывших коллег, ставших "профессиональными политиками" и быстро позабывших о своих прежних проблемах.

Члены анархо-синдикалистской профинициативы "Воля", которые с весны поддерживали связи со стачечными комитетами школ Электростали и с областным стачкомом, помогали им с распространением информации, выпускали листовки и призывали к созданию независимых, классовых профсоюзов, предупреждали работников образования от такого развития событий. Они выпустили специальное обращение к стачкомовцам и "рядовым" преподавателям. Но надежды на "доброго барина" - "народную власть" возобладали...

Нынешняя зимняя стачка учителей проходила снова под полным контролем официальных профсоюзов. Поэтому и продолжалась она всего пару дней и закончилась совершенно безрезультатно. Вопреки громогласным заверениям профбоссов забастовка даже не была "всеобщей"; в некоторых регионах вообще не бастовали, например, в Москве и Московской области. Шахтерам был хотя бы брошен очередной кусок, который должен на время (на срок президентской кампании!) заткнуть им рот. Работники сферы образования не получили даже этого.

Сегодня безысходность толкает учителей на такие акты как начавшаяся 20 февраля бессрочная голодовка педагогов в поселке Новоорловский Агинского района Бурятского автономного округа. Рядом с ними голодную забастовку проводят местные медики. Мы можем выразить свою солидарность с людьми, решившимися на столь отчаянный протест. Но мы уверены: для того, чтобы заставить "наши" циничные власти удовлетворить требования ограбленного и униженного ими трудового люда, этого недостаточно. С властью можно разговаривать только с позиции силы. Наша сила - в нашей классовой самоорганизации, независимой от профбоссов и политиканов всех мастей.

Некоторые работники сферы образования уже проявляют первый, пока еще осторожный интерес к созданию независимых, борющихся профсоюзов. В декабре группа учителей из Электростали вступила в контакт с профинициативой "Воля", запросила ее организационные и программные документы. Пока что эта история не имела продолжения, но в будущем - кто знает? Победа в борьбе классов не предопределена, но надежда умирает последней.

Вадим ДАМЬЕ

Эх, дороги, пыль да туман...

К экологической катастрофе на высоких скоростях

Влад ТУПИКИН

18 января два десятка "Хранителей Радуги" перекрыли доступ граждан в министерство охраны природы РФ, приковавшись к его дверям и развернув у парадного подъезда обидные для чиновников лозунги. Венчал композицию двадцатиметровый транспарант, укрепленный на крыше здания альпинистской бригадой "Хранителей". Транспарант переименовывал учреждение в "Министерство продажи природы".

Блокада здания, закончившаяся для 14-ти ее участников в 88-ом отделении милиции, была приурочена к фактическому одобрению министерством очередного "проекта века" - строительства Высокоскоростной магистрали Петербург-Москва (ВСМ). Борьба "зеленых" против строительства ВСМ ведется уже несколько лет, но летом 1995, с началом государственной экологической экспертизы по проекту, она вступила в более активную фазу. По инициативе подвижных и радикальных "Хранителей Радуги", не раз объездивших весь маршрут ненавистной трассы, было создано межрегиональное объединение "зеленых", в которое входят представители различных организаций Москвы, С.-Петербурга, Новгорода и Твери. "Зеленые" считают проблему ВСМ аналогичной по значимости повороту северных рек, который удалось остановить во второй половине 80-х годов.

Идея ВСМ уходит корнями еще в 70-е, а окончательно проект Высокоскоростной магистрали был разработан институтом "Ленгипротранс" в 1989 году. Проект предусматривает прокладку новой железной дороги между южной и северной столицами в 30 км к западу от ныне действующей (Октябрьской). Ее протяженность - 654 км, проектная стоимость - 7 миллиардов долларов (вы не ошиблись. Имеются в виду $$). Расчетное время прибытия путешественников из Петербурга в Москву - через 2,5 часа после старта. Дух захватывает, не правда ли? Что там бизнес - свидание можно будет назначать в городе на Неве! Садитесь в шесть вечера в поезд на вокзале в районе Петровско-Разумовской, прочитываете свежий номер ВУГЛУСКРа, выпиваете два стакана чаю - и вот, уже в полдевятого вы на Московском вокзале в Питере. В девять (век скоростей!) вы дарите возлюбленной розу где-нибудь на улице Марата или у пяти углов, в десять, окрыленный, шуршите оперением в удобном кресле желдорвагона обратно, а в половину первого ночи - снова в первопрестольной (и, между прочим, вполне успеваете на последнее метро). Стоп-стоп... Развеем романтическую дымку: на свидание в Питер можно попасть и сейчас - самолетом. Тому, кого удерживают от этого соображения финансовые, ВСМ не поможет - ориентировочная стои-мость проезда по чудо-дороге составит 100 долларов США (и еще сто долларов обратно, чтобы успеть на метро). И вот еще что - с этой дорогой не все гладко даже на бумаге.

Во-первых, как теперь водится, экономика.

Напомним: проектная стоимость новой трассы - 7 миллиардов долларов (то есть в нынешних ценах около 33 триллионов рублей). Для примера - реальная стоимость прокладки Евротуннеля под Ла-Маншем возросла вдвое против проекта. И это - у подсчитывающих каждый сантим и пенни французов и англичан. По проекту магистраль начнет окупаться через семь лет после окончания строительства, а по мнению эксперта Европейского банка реконструкции и развития Грэма Смита, не окупится никогда, потому что из-за высокой стоимости билетов не сможет привлечь необходимого для окупаемости количества пассажиров - 40 миллионов в год. Еще несколько фактов. Сейчас пассажирские перевозки по Октбрьской железной дороге составляют 4,7 миллиона человек (в девять раз меньше). Коллегия Министерства путей сообщения 22 ноября 1995 г. приняла решение начать реконструкцию Октябрьской дороги, которая потребует 4 триллионов рублей. Деньги эти уже обнаружены в фондах МПС, а доехать по обновленной ОЖД из пункта М в пункт СПб можно будет за 4 часа 10 минут. Для любителей цифр приведем их еще несколько: самолет до Петербурга летит час двадцать, а билет стоит около 40 долларов.

Теперь - об экологическом ущербе.

По проекту землеотвод для строительства составит 7319 га, 72 процента из которых - леса с разнообразной флорой и фауной. Вы, возможно, не поверите, но между Москвой и Петербургом до сих пор сохранилась дикая природа, которая, понятное дело, пойдет под нож бульдозера с началом строительства. Трасса пересекает территорию Валдайской возвышенности (Великого водораздела), откуда берут начало Волга, Днепр, Западная Двина. Эта местность очень уязвима в гидрогеологическом отношении. Будет нарушена целостность Валдайского национального парка, хотя закон запрещает это делать. Планируется вырубка 5,3 тысячи гектаров лесов, значительную часть которых составляют леса 1-й группы (защитные и водоохранные). В этой связи по меньшей мере занятно, что Российский комитет по земельным ресурсам передал земли в собственность РАО ВСМ до окончания экологической экспертизы, что противоречит Закону об охране окружающей природной среды и Земельному кодексу Российской Федерации. Всего же при проектировании трассы и связанных с нею работ нарушено порядка 10 законодательных актов.

По мнению ряда экспертов, участвоваших в государственной экологической экспертизе по проекту ВСМ, существует реальная угроза запасам питьевой воды для значительной территории Северо-Запада и Центра России, включая Москву. Нельзя забывать и о социальных последствиях строительства и эксплуатации трассы. Дорога будет представлять из себя земляную насыпь, огороженную 2-4-метровым бетонным забором. Проходы будут устроены через 4-5, а в некоторых местах через 11 км. Это означает, что бетонная стена просто перережет всю сложившуюся систему коммуникаций. Остроумные проектировщики не только рассекли трассой, скажем, ферму и деревню, в которой живут доярки, но и запланировали, что переходы (там, где они будут, а будут они не в каждой деревне и не в каждом лесном массиве) будут общими - и для людей, и для авто-

мобилей, и для скота, и для диких зверей. Представьте себе такую картинку: коровы не занимают левый ряд, а волки притормаживают, когда впереди идущий грузовик включает габаритные огни.

Что получается? Экономически - абсурд, бред, экологически - преступление. Возникает вопрос: на фига козе баян? Эээ-э-ээ! А хотя бы уже 5,3 тысячи гектаров леса, которые можно вырубить и продать, не проложив еще ни километра гипотетической дороги? А возможность погреть руки на многотриллионных инвестициях? Или перспектива наплодить новые десятки тысяч обманутых вкладчиков, начав продажу акций? Это ведь деньги, которые озолотят не одного "строителя новой России". Многие "зеленые", кстати сказать, не без основания полагают, что никакого строительства РАО ВСМ вести и не собирается - уже полученными землями можно неплохо "спекульнуть", да и биржевая игра с акциями-облигациями, как показывает опыт МММ, может дать многое умелым организаторам. Может статься, что именно поэтому проект упорно и пробивают через инстанции вот уже несколько лет, сопровождая сие пробивание кампанией дезинформации в прессе.

Свежий пример: с подачи пресс-службы акционерного общества в конце ноября почти все СМИ бодро сообщили о том, что государственная экологическая экспертиза одобрила проект строительства ВСМ. Как же это - после стольких-то напастей, связанных с этой дорогой, спросите вы? Но на самом-то деле ситуация была куда скандальней! В результате интриг и давления на экспертов на свет появилось два (!!) экспертных заключения практически с одинаковым содержанием, но с двумя разными вердиктами: "одобрить" и "отправить на доработку". Половина экспертов подписала одну бумагу, половина - вторую, и кто-то из них при этом даже не ведал, что бумаг - две. Ну, в самом деле, представьте себе два приговора суда: "Васю Пупкина освободить как невиновного" и "Его же, Пупкина Васю, укатать в зону на семь лет". Угадайте с трех раз - как сложится судьба Васи и от кого это будет зависеть?

В нашем случае логично было бы предположить, что министр охраны природы Виктор Иванович Данилов-Данильян, в декабре 1994 г. на парламентских слушаниях по проблеме ВСМ заявивший: "Если мы удовлетворим экологические требования в полной мере, то проект этот будет золотым. Это то же самое, что выкладывать золотые рельсы от Москвы до Петербурга" и еще заявивший: "Относительно нетронутой природы в Европейской части нашей страны осталось совсем мало. Она стоит дороже, чем все высокоскоростные магистрали мира...", топнет державной ногой, да прекратит безобразие, защитит природу и тем оправдает свое жалование, получаемое не без участия налогоплательщиков. Но Виктор Иванович совершил нечто обратное. Он подписался под такими словами, обращенными к Правительству РФ: "Минприроды России полагает возможным согласиться с мнением большинства членов комиссии о целесообразности реализации ТЭО ВСМ при условии, что все высказанные экспертами замечания и предложения будут реализованы на последующих стадиях проектирования".

Вот вам и объяснение, почему экологические организации Москвы, Петербурга, Новгорода и Твери обратились к Виктору Ивановичу с открытым письмом, а молодежь из радикального движения "Хранители Радуги" прибегла к прямому действию, дабы убедить его повнимательнее отнестись к требованиям экологов, а именно: отозвать заключение, сфабрикованное, по их мнению, Департаментом экологической экспертизы и Российским акционерным обществом ВСМ, а также продлить работу экспетной комиссии и вынести справедливое решение по проекту ВСМ в соответствии с новым Законом "Об экологической экспертизе", принятом в ноябре 1995 г. (он, в частности не предусматривает никакого "отправить на доработку". Только "да" или "нет").

Для четырнадцати "Хранителей Радуги" попытка передачи письма министру окончилась отделением милиции - им вменяют нарушение правил проведения митингов (?) и мелкое хулиганство. Для нас всех - в случае осуществления проекта все может быть гораздо серьезнее (см. выше).

Те, кто хочет поддержать "зеленых" в борьбе с магистралью, могут звонить автору в рабочее время по телефону 299-29-70 или направлять свои письма по адресам: 113208, Москва, Тупикину В.А. до востребования и rk@glas.apc.org

ХРОНИКА

8 февраля сего года исполнилось 75 лет со дня смерти Петра Алексеевича Кропоткина. Это событие московские анархисты и представители общественности отметили скромным митингом на Новодевичьем кладбище и посещением гостеприимно распахнувшего двери дома революционера. 10 февраля в помещении общества "Мемориал" состоялся вечер памяти Кропоткина, на котором выступили анархисты и ученые, занимающиеся исследованием творчества князя-бунтовщика (В.Дамье, Р.Хохлов, А.Гордон, В.Маркин).

18 февраля защитники Нескучного сада отразили очередную попытку воздвигнуть забор вокруг стройплощадки, где планируется соорудить "два дома улучшенной планировки". Как известно, Верховный суд недавно подтвердил, что рубить парк в центре города и строить особняки - дело совершенно законное и права граждан не ущемляющее. Невзирая на это, кучка экстремистов продолжает сопротивление. Хорошо, что она (кучка) пока не додумалась объединить свои усилия с деятельностью аналогичных кучек в Орликовом переулке близ хором Вишневской-Растропович и в прочих подобных местах (мало ли их в столице?). А то глядишь, остановили бы процесс мудрой и экологически безвредной джентрификации нашего города. ***(Джентрификация - "облагораживание" городской и иной среды в интересах богатых, которые стремятся "очистить" места своего обитания от всяческих пролов вроде тебя, дорогой читатель.)***

23 февраля. День защитника отечества все отмечали поразному: правозащитники и чеченцы из партии "Вотан" молились за прекращение войны у Соловецкого камня; Новодворская пикетировала памятник героям Плевны под лозунгом "Демократия для демократов!" и чтоб выборы отменили для полного торжества демократии; Галина Ракитская и другие ЛСД у Думы обличали Зюганова и Жириновского (вряд ли тот и другой об этом узнали); зюгановцы и анпиловцы проводили свой праздничный митинг и крепили ряды; а несколько отчаянных деятелей "антифашистского" движения со свечками пикетировали баркашовцев, в результате чего получили ряд телесных повреждений. Московские анархисты, в свою очередь, выслушали, под грохот салюта, рассказ немецких товарищей-автономов об их борьбе с капиталом и властью.

5 марта прошла очередная акция "Хранителей Радуги" против строительства ВСМ. На этот раз она проходила перед зданием биржи на ММВБ, где в этот день началась продажа акций-облигаций "чудо-дороги". "Хранители" совершили разрушение символического высокоскоростного паровоза, за что шестеро из них оказались в отделении милиции.

НАДО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ, НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ НЕЛЬЗЯ!

АНАРХИСТЫ И НАРОДНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Некоторое время тому назад на одной из явочных квартир состоялась встреча группы товарищей с известной народной героиней Галей Зайцевой (штрихи биографии: 1984-89 - Бригада "Че Гевара", далее ФСОК, МНФ, Партия Труда, РСДС, в 21 год депутат райсовета, обе защиты Белого Дома и т.д.) по ее просьбе. Галя сказала товарищам примерно следующее: "Товарищи! Я среди вас единственная анархистка, поскольку пытаюсь реализовать вашу программу, а вы сами ни хрена не делаете. Я-председатель совета самоуправления "Варшавка", и это действительно народное самоуправление, и таких советов в Москве более 100, а было более 300 при советской власти. Сейчас работать им труднее, но не все потеряно! Смотрите, что происходит в стране! Самоуправление существует и в Свердловске, и в Тульской области, эта идея жива в народе, народ сам приходит к этому - например, все забастовщики прямо или косвенно выдвигают требование рабочего контроля. В Приднестровье - мощнейшее самоуправление! И никакая власть самоуправление до конца не задушит, потому что власти оно тоже необходимо. Но его хотят оседлать. К примеру, "Выбор России" пригласил американских специалистов разрабатывать для России программу самоуправления, но это уровень садовых участков, никакой возможности влияния на власть. Нас не могут также устраивать ни проект Солженицына, ни принятый недавно закон - он предоставляет власть местным чиновничьим кланам. Самоуправление - огромная сила, но и большая опасность. Если человек решает проблемы собственного дома, то дальше дома он ничего и не видит. Пока не прижмут, а тогда уже поздно. Поэтому стихийным активистам самоуправления (которые в силу своей темноты могут быть "демократами", "коммунистами", "патриотами" или вообще не иметь политической позиции) необходимо расширить кругозор, осознать роль самоуправления в обществе. Народному самоуправлению необходимы четкие ориентиры - что такое "хорошо", что такое "плохо",- четкая программа, которую надо разработать и озвучить, внедрить в общественное сознание, и с моей точки зрения, практически все равно, какая из политических сил это сделает, если сделает без искажений. Самоуправлению необходима информация. В этом, товарищи, самоуправлению можно и нужно помочь." Из Галиных ответов на вопросы выяснилось, что совет "Варшавка" имеет 10-20 активистов, не считая людей, сотрудничавших с ним по отдельным программам (потребкооперация, надомный труд, магазины, территориальная детская организация и т.д.) - на 13000 жителей округа. Сейчас он переживает не лучшие времена, но народная героиня считает, что мощный субъективный фактор сможет переломить ситуацию. Другие выступавшие усомнились в уместности Галиного оптимизма в текущий исторический момент и подвергли критике ее партийно-государственнические иллюзии (должно ли движение самоуправления стремиться продвинуть своих лоббистов на все уровни представительной власти? скорее всего, они там ничего сделать не сумеют, а само движение будет скомпроментировано). Тезисы были подкреплены примерами из истории борьбы группы "Череповец" и экоклуба одноименного города. Все-таки было решено провести несколько семинаров по самоуправлению для Галиных активистов; решение, однако, выполнено не было. От себя автор хотел бы заметить, что сегодняшние анархистские и вообще либертарные группы не имеют ни собственной энергии, ни возможностей, чтобы выбраться из маринально-молодежного гетто. Выход (если в нем есть потребность) может произойти только через контакт с людьми типа Гали Зайцевой. Она - это не мы, но все ерунда в сравнении с Мировой революцией.

Л.Шмидт

МНЕНИЕ

Самоуправление, конечно, вещь хорошая. Беда только в том, что под словом этим подразумевают зачастую самые разные вещи. Очень сомневаюсь, что бывшие и нынешние секретари райкомов из КПРФ и "новые русские" из "Выбора России" всерьез заинтересуются районными советами самоуправления, но уж если это произойдет, тогда пиши пропало.

Возможно, чиновники и могут быть заинтересованы в существовании подконтрольного им "ручного" самоуправления (с тем, чтобы свалить на общество решение некоторых проблем, которые им самим решать в лом). Но никогда чиновники не согласятся с развитием районных советов, с созданием на их базе независимых структур гражданского общества. Ведь независимое самоуправление будет контролировать действия бюрократии, во-первых, и решать ряд проблем помимо ее воли, во-вторых. В этом как раз суть наших с Галей разногласий. Ее идеал - сильное централизованное государство при наличии сильного самоуправления низов, что является нонсенсом. Отсюда и политический активизм, желание "идти во власть" со своими идеями, желание для меня неприемлемое. Тем не менее, все вышесказанное не исключает возможности нашего сотрудничества по конкретным вопросам.

М.Магид

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ХРОНИКА

Осенью 1995 года против активистов кампании в защиту Виктора Орехова Валерии Любимцевой, Ольги Кошкоровой, евгения Фремкина начато уголовное преследование за участие в несанкционированных митингах. В начале января 1996 года участники мероприятий в защиту Виктора Орехова приняли решение образовать группу граждан "Право-96". Принята декларация о намерениях. Подписавшие ее считают нужным провести в первую очередь кампании:

- в защиту Виктора Орехова, добиваясь его освобождения;
- за отмену антиконституционных норм, устанавливающих порядок проведения публичных мероприятий и в защиту лиц, преследуемых за нарушение порядка их проведения;
- за прекращение войны в Чечне и привлечение к ответственности должностных лиц, виновных в ее развязывании.

29 января Тверской суд г.Москвы приговорил Валерию Любимцеву по статье 200-1 УК РФ за участие в несанкционированном пикетировании к 600 тысячам рублей штрафа. В ходе разбирательства судом были допущены серьезные нарушения процессуального права.Сам приговор неправосуден, поскольку в соответствии с Конституцией РФ, права граждан (в частности на проведение публичных мероприятий) могут ограничиваться только федеральными законами. "Временное положение о порядке проведения митингов, дмонстраций...", нарушение которых инкриминируется В.Любимцевой, введено указом президента РФ и, являясь подзаконным актом (не законом!), антиконституционно. Придерживаясь такой же правоприменительной практики как в деле Любимцевой, суды с успехом смогут в уголовоном порядке расправляться с нарушителями каких-нибудь инструкций ЖЭКов. А законодатели, обогатившие недавно УК статьей 200-1, следуя той же логике, могут попытаться весь уголовный кодекс заменить одной статьей - "За нарушение порядка всего". Санкции - от предупреждения до расстрела. не так посмотрел на постового, быстренько в суд, приговор в зубы и на пару лет на Колыму!

29 января группа "Право-96" распространила заявление, в котором в частности говорится "наше тоталитарное прошлое может стать нашим настоящим", если не воспрепятствовать произволу со стороны властей. Кассационное рассмотрение по делу Любимцевой состоится 11 марта.

Выступая за прекращение войны в Чечне, группа "Право-96" намерена проводить митинги. Ближайший - 3 марта на Пушкинской площади. Что касается попыток привлечения к ответственности должностных лиц, группа может использовать опыт двух граждан. В июне 1995 года Александр Годлевский и Кирилл Подрабинек обратились в Генеральную прокуратуру с просьбой возбудить уголовное дело по факту отдания президентом РФ приказа войскам на ведени боевых действий в Чечне. "Засудить" Ельцина было решено по целому букету статей. Заявители прошли как прокурорские, так и судебные инстанции, убедившись еще раз в прелестях неправосудной юстиции. Теперь они собираются перенести тяжбу в Европейский суд.

Кирилл ПОДРАБИНЕК

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ ДЕМОНСТРАНТУ

Во время любых массовых беспорядков преобладает элемент импровизации. Тем не менее, есть некоторые очевидные азбучные истины, рожденные стихийным народно-революционным творчеством, которые, по-видимому, не лишне напомнить начинающим демонстрантам, желающим не просто глазеть на происходящее и "из кустов называть волка сволочью", но принять в демонстрации активное участие.

1. При движении куда-либо и особенно в преддверии столкновения с милицией необходимо, взявшись за руки и сцепившись локтями, образвать шеренги: неорганизованная толпа разгоняется милицией во много раз легче, чем колонна сцепившихся друг с другом людей, буквально осознавших, что "их сила - в единстве", да и милицейское оцепление возможно прорвать только построившись в такие шеренги. Поскольку милиция (особенно, если она по каким-то причинам не прибегает к дубинкам), имеет скверную привычку расцеплять шеренги, хватая демонстрантов за шеи и производя удушающие движения, то, прижав заблаговременно подбородок к груди, вы продлите свое сопротивление на несколько мгновений, которые могут оказаться решающими. Двигаясь вперед, полезно организовать скандирование лозунгов и пение соответствующих ситуации песен. Это увеличивает организованность и поднимает боевой дух у демонстрантов, а также способствует уяснению окружающей публикой смысла и целей данного мероприятия.

2. Без необходимости не стоит оскорблять и дразнить милиционеров, - что не равносильно паническому ужасу перед ментовской дубинкой и готовностью выполнить все приказы людей в форме. Напротив, лучший способ добиться успеха - вести себя спокойно, игнорируя милиционеров с их матюгальниками. (Иное дело - омоновцы. Они обычно ведут себя по-зверски и с ними нет смысла обращаться по-человечески). Не говоря уж о самоуважении, вашу внутреннюю силу и правоту милиция ощущает и считается с ней. На демонстрации всегда следует стараться сохранять спокойствие и вести себя с чувством собственного достоинства, без хулиганской истерики и без боязни, относиться к милиционерам как к людям, пока они дают основания для такого отношения к себе. Вполне допустимо по душам поговорить с конкретным милиционером, подарить ему листовку, посетовать на его начальников, отдающих ему глупые приказы. Но если уж милиция предпочитает разговаривать с демонстрантами на языке дубинок - тогда, конечно, остается отвечать на понятном ей языке камней и палок. *A la guerre comme a la guerre!*

3. Ни в коем случае нельзя давать милиции выхватывать из колонны товарищей!

Возможные варианты вашего поведения в случае столкновения:

а) ***ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ***. Сцепиться руками, скандировать что-нибудь простое и доступное милиции, вроде: "Фашисты!" "Сатрапы!" и пр. или стыдить отдельных ментов в индивидуальном порядке (это лучше делать девушкам), отказываться идти в милицейскую машину, предоставив ментам труд нести вас на руках;

б) ***АКТИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ***. Отбивать задержанных, защищать флаги, транспаранты и мегафоны, к которым милиция всегда проявляет нездоровый интерес. Использовать разного рода подручные и подножные метательные снаряды (бутылки, булыжники); пригодятся в подобном случае древки флагов, а также палки для транспарантов.

Милиционеры не должны ощущать себя безнаказанными волками, пожирающими кротких и безропотных овечек - государственному насилию следует давать посильный отпор. Разумеется, такое поведение чревато разного рода неприятностями: от удара дубинкой по башке до 15 суток административки, но если назвался революционером, - веди себя соответственно. Нельзя давать себя в обиду хулиганам, даже если эти хулиганы - в погонах и с рацией. Поведение многих участников демонстраций последних лет, когда люди, не оказывая никакого сопротивления, отдаютя в руки милиции, не отбивают своих товарищей и знамена, и разбегаются сотнями при виде пары фуражек и дубинок, сложно назвать иначе, чем позорным. Если уж ты не готов к противостоянию властям и отстаиванию явочным порядком своего права на свободу шествий, - лучше вообще не участвовать в подобных мероприятиях.

4. ***В СЛУЧАЕ ЗАДЕРЖАНИЯ*** необходимо знать следующее:

- если менты под горячую руку начинают вас избивать, то стоит нагнуть голову и руками загородить наиболее уязвимые части тела: кулаками прикрыть лицо, а локтями - живот, почки и половые органы;

- прибыв в отделение милиции, вы имеете право (и грех им не воспользоваться!) переписать все данные окружающих милиционеров (звание, фамилию);

- в случае, если вас решили отпустить (например, до суда) - обязательно требуйте свой паспорт, без него не уходите: по закону вам обязаны его вернуть; оставив паспорт в руках милиции, вы предоставляете ей мощное оружие для шантажа;

- сейчас менты нередко вымогают "штрафы" (как правило, в свой карман) - звонят вашим родным и предлагают им прибыть в отделение с такой-то суммой денег; обязательно в категорической форме отказывайтесь от выплаты этого выкупа и заворачивайте своих сердобольных родственников: отданные деньги не просто пробьют брешь в вашем бюджете, но больно ударят по вашим товарищам (в таких случаях важен прецедент одно ваше отступление показывает милиции слабое место "политических");

- лучше и проще всего на допросе не подписывать никаких бумаг (протоколы, объяснительные): это ваше законное право, а такая линия поведения избавит вас от необходимости перед кем-то оправдываться, на кого-то давать показания, лгать и пр.; вообще, контакты с государством (в лице милиции) стоит свести к минимуму: предъявить паспорт (для удостоверения личности) и потребовать его назад (после суда или, если вас отпустят);

- на суде ваше законное право - ходатайствовать о предоставлении вам адвоката и переносе дела до его нахождения: это ходатайство судья ОБЯЗАН удовлетворить, а вам вовсе не обязательно позднее снова являться в суд (срок, в течение которого вас могут судить по административному делу - 2 месяца после правонарушения);

- находясь в отделении, попросите разрешения позвонить домой родителям. Совсем замечательно, если вы сумеете позвонить оставшимся на воле товарищам и сообщить, где вы, сколько вас, что с вами и что вам грозит (хорошо заранее иметь дежурного на телефоне).

5. ***ТЕМ, КТО ИЗБЕЖАЛ ЗАДЕРЖАНИЯ***, рекомендуется не спешить в ближайший кабак - оплакивать горькую долю товарищей, попавших в лапы государства, а предпринять следующие необходимые действия для облегчения их участи:

- выяснив, в какое отделение их повезли, придти туда: уже сам факт вашего прихода, по возможности в большем числе, морально поддержит задержанных и не обрадует милиционеров;

- придя в это отделение, выяснить, кто там находится, кому надо позвонить (родные, адвокаты, масс-медиа, организации). Хорошо, если эти вопросы будут обговорены заранее до демонстрации. После этого надо засесть за телефоны и максимально широко распространить информацию о происшедшем и особенно о фактах репрессий со стороны властей.

6. ***ГЛАВНЫЙ СОВЕТ***: единство, организованность и решительность действий - если не залог успеха демонстрации, то, по крайней мере - гарантия того, что вам не будет мучительно больно за бездарно проведенную акцию.

Павел СЕНТЯБРЬСКИЙ

ВРЕМЯ ПРИШЛО

(некоторые мысли о насущных организационных вопросах)

Петр Рябов

Вчера - рано, завтра - поздно...
Что-то из В.И.Ленина

1

Наверное, многих из тех, кто знаком с моими взглядами, удивит то, что я выскажу ниже. Ведь последние лет пять я был горячим противником "организационного фетишизма" в неформальном движении и, соответственно, убежденным сторонником самороспуска, - а точнее простой констатации факта распада - неформальных групп и организаций. Я и сейчас считаю неформальное движение эпохи перестройки отнюдь не самой светлой страницей в истории общественного движения. Мессианские претензии, полное бессилие и отрыв от жизни, манипулируемость и "программируемость" со стороны Власти, глубокий конформизм, теоретическое убожество, жалкие амбиции и дрязги - все это отличительные черты нашего неформалитета, во многом порожденного, с одной стороны, усилиями Власти (создающей видимость оппозиции в обществе, "выпускающей пар", перекрашивающейся и обновляющейся за счет "неформальных" кадров), а с другой стороны, - усилиями людей, стремящихся к мелочному и иллюзорному (причем безопасному!) самоутверждению путем игры "в революцию". Мало было здорового и настоящего в этом движении, мало хорошего можно в нем найти (изначально присутствовавшие "альтернативные" потенции были быстро заглушены и выродились). Я и сейчас, как и прежде, считаю полезным делом и проявлением ответственного отношения к своим действиям со стороны тех, кто остался в поредевшей неформальной тусовке, формальный самороспуск ДС, КАС, ИРЕАН и проч. Ну да бог (или черт) с ними! О покойниках - или хорошо, или никак. Поэтому не буду больше о них. Сейчас речь о другом - о нас. Неформальное движение дало нам богатый негативный опыт: как не надо "делать революцию", как не надо строить организации и т.д. Одним из примеров этого и является упомянутый "организационный фетишизм", когда телега ставилась впреди лошади; когда создание и поддержание структур и изданий, громкие программы и беззастенчивая самореклама явно превалировали над тем, для чего (якобы!) эти структуры создавались - над реальной жизнью и работой. Те, кто участвовал в неформальном движении, хорошо помнят, что "вожди" всегда ломали голову над двумя проблемами: а) где найти и навербовать людей под свои знамена; б) найдя, куда их деть, чем занять. Уже одно это достаточно свидетельствует о характере того движения. И поэтому похоронить его - его моральную атмосферу, организационные принципы, виды деятельности (и бездеятельности) - было делом необходимым.

Но: король умер, да здравствует король! Ситуация изменяется, и сейчас, по моему мнению, сама жизнь, похоронившая неформалов, требует от тех, кто сознает себя "радикалами" и "революционерами" (хотя почти ничего не сделал для того, чтобы подтвердить на деле эту претензию), создания своих - принципиально новых, порвавших преемственность с неформальным движением, организаций. Я понимаю, что это заявление звучит довольно неожиданно (особенно из моих уст) и нуждается в разъяснении и обосновании. В этой статье я попытаюсь показать, ***почему*** нынешняя ситуация требует создания оргаизации и ***какой***, на мой взгляд, может быть эта организация. В своих рассуждениях я исхожу, в первую очередь, из опыта московской леворадикальной тусовки, но, по-моему, эти общие соображения (с учетом местной специфики: проблем, наличия или отсутствия сил) могут быть применимы и в других местах.

2

Начало 90-х годов было во всех отношениях эпохой безвременья: старые господа уходили (или перекрашивались), народ, как водится, безмолвствовал, "интеллигенция", как водится, продавалась, ценности рушились, все было неясно и смутно, все распадалось. Одним из проявлений этого "постперестроечного" времени и был крах неформального движения, окончательно загнившего изнутри и ставшего окончательно ненужным Власти. Тогда было неясно - ***как, с кем, что*** можно делать в новых условиях. Ясно было только, что неформальное движение уходит, и что надо по возможности сохранить то совсем немногое, что оставалось: человеческие связи между людьми, неприятие "Системы". Отсюда и формы, - не работы, не борьбы, - но ***существования*** отдельно взятых "радикалов", ушедших на глубокое общественное дно: дружеские компании, тусовки, посиделки. В условиях распада общественных связей, борьбы за экономическое выживание, потока новой оболванивающей буржуазно-патриотически-религиозно-потребительской конъюнктуры, обычные небольшие кружки приятелей с докладами, редкие "акции" (прежде всего экологические) - вот и все, что мы могли делать. Организации развалились, издания прекратились.

Теперь ситуация существенно меняется и проясняется; отступать дальше некуда и незачем; напротив, необходимо наступать, открывать новые пути деятельности и формы организации, выходить вовне - иначе мы вновь уже в который раз покажем какова нам цена!

В чем я вижу новизну ситуации?

1) Изменились ***внешние условия*** существования нашего движения. Сейчас в обществе та смутная пора безвременья, когда созревают и складываются альтернативы, задающие вектор общественного развития на долгие годы вперед. Россия на развилке, как в Смутное время семнадцатого века, как в эпоху Великой Революции. Капиталисты деловито делят остатки неподеленного, фашисты (у которых, на мой взгляд, огромные исторические шансы и перспективы) набирают силу и организуются... Если мы хотим как-то повлиять на выбор и хоть что-то вякнуть своим слабым голосом - времени осталось совсем немного. И сейчас - в относительно свободных (неподпольных) условиях - а сколько они еще будут и когда такое было в России? - когда можно издать что-то, собираться, организовываться, - мы не только должны но и можем наступать, не ограничиваясь самодостаточным тусованием на кружковых междусобойчиках.

Важно еще и то, что сейчас есть шанс начать строить свое движение на новых, здоровых основаниях - учитывая горький опыт неформалитета. Сейчас Власти нужны разносортные "демократы" (да и то их влияние тает на глазах, а на их митинги народ скоро будут заманивать обещанием отгулов - как при КПСС), нужны фашисты (чтобы пугать обывателя, оправдывать собственный деспотизм и прилично выглядеть перед "европами"), но радикальные левые ей сейчас не нужны! А ведь в конце 80-х короткий и нездоровый расцвет "левых" был связан не столько с пробуждением общества, сколько с тем, что Власть во многом породила этих "левых" (как промежуточную стадию ее дрейфа от коммунизма к капитализму): делала им рекламу, "открывала шлюзы", болтала о "социалистическрм плюрализме мнений". При Горбачеве быть "социалистом" и даже "анархистом" было и безопасно, и почетно, - и к Власти вроде бы фрондируешь, и выход на масс медиа имеешь, и в тюрьму не загремишь! Сейчас стимулировать "левых" (конечно, не ручных эсдеков и прочих) Власти незачем, и мы можем развиваться на своей - внесиситемной, альтернативной основе, "опираясь на собственные силы" (в соответствии с идеями чучхэ) и показать на что мы ***сами способны***, исходя из себя самих и не будучи объектом манипуляций в ловкой игре начальников.

2) Изменились и ***внутренние*** условия нашего движения. Пришли новые люди, не зараженные неформальной чумой. Их, впрочем, немного, но ведь и "приходить"- то собственно некуда, - не всех же влечет экология или тусование на квартирах. Наши "посиделки", долгое время

органично сочетавшие в себе партсобрания, тусовки и лектории одновременно, переполнились народом, не вмещающимся в квартиры и дифференцировавшимся по трем категориям:

- на тех, для кого самоценно тусование,

- на тех, кто ищет знаний,

- и на тех, кто ориентирован на реальное дело.

Эта дифференциация, конечно, не абсолютна, но уже вполне определенна. Данный кризис роста требует новых организационных решений, размежевания на "среду" и "организацию". Дружеская тусовка переросла себя и должна распасться на то, что на языке народовольцев называлось "партия" и "организация" (под "партией" они понимали "единство мысли", всех сочувствующих, тысячи людей, эпизодически помогающих и примыкающих; под "организацией" - "единство действия", десятки активистов, постоянно работающих и связанных организационно). Тем, кто хочет простого общения (и это - огромная ценность!) и тем, кто хотел бы что-нибудь о чем-нибудь узнать (и это очень похвальное желание!) скучны деловые разговоры "активистов" об "акциях", и наоборот. Дружеские кружки - этап уходящий в прошлое, если мы хотим идти в будущее. Если какое-то начинание не развивается и не растет, - интенсивно или экстенсивно, - оно загнивает и гибнет. Мы должны правильно оценить нынешний кризис роста и адекватно реагировать на него. "Активисты" ощущают все большую потребность в систематизации и координации их эпизодических усилий, в функциональном обособлении от широкой культурной "среды" при сохранении с ней, разумеется, тесной связи.

То, что мысли о создании революционной организации - не прожектерство, а насущное требование жизни, - доказывает и тот факт, что периодически в Москве спонтанно возникали и существовали какое-то время "внепартийные" группы по решению конкретных вопросов: сандружина имени Волошина в октябре 1993 г., Прямухинская вольная артель летом 1995 г., череповецкая группа социально-экологического действия и проч. Отчасти к подобным инициативам можно отнести и такие внепартийные функциональные объединения как Вольное философское общество, Левый исторический клуб, "муравинские четверги", а также (из более скромных начинаний) "книжный магазин" тов.Икс и боксерскую секцию тов.Игрек. А вот по проблеме войны в Чечне подобной группы, увы, не возникло - и все наши потуги заглохли после нескольких акций (я был одним из организаторов этих акций и на практике столкнулся с необходимостью создания какого-то координирующего центра по этой проблеме), - тогда как в Питере возник анарходэсовский комитет "Руки прочь от Чечни!", и он сумел долгое время вести систематическую митинговую и листовочную работу. Кроме того, помимо микроскопических изданий, выпускаемых нерегулярно и смешными тиражами отдельными энтузиастами, очевидно, назрела необходимость в более или менее регулярном и общем органе хроникально-теоретического характера.

В общем, мне кажется, понятно, почему, исходя не из "игр" и "амбиций", но из потребностей дела, жизни, из внутренней эволюции нашей среды сегодня назрел вопрос о необходимости какой-то (пусть пока минимальной!) организации наших сил.

Какой же может быть такая организация?

3

Как показывает опыт неформалов, процесс "структурирования структур" - дело увлекательное и стремящееся стать всепоглощающим и самодостаточным. Писание программ, выяснение отношений, "дележ постов", расколы и прочее - затягивают и создают иллюзию борьбы и жизни. Важно избежать этого.

Организация (назову ее, к примеру, КАН - Клуб активных непартийных - название рабочее, нейтральное, вызывает в памяти Прагу 1968 г. и к тому же означает на иврите "здесь") видится мне как функциональная, ориентированная в первую и в последнюю очередь ***на дело***, и внепартийная. Если кому-то из ее членов хочется числиться в каких-нибудь других партиях, фронтах, федерациях и проч. или же нигде не состоять - это его или ее дело. Политическая программа здесь - дело последнее и второстепенное, достаточно самых общих принципов и "негативного консенсуса": против "коммунистов", "патриотов" (фашистов) и (буржуазных) "демократов"; "мне не нравится то, что здесь было, мне не нравится то, что здесь есть" (В.Цой); "внесистемность", против Власти, Капитала, нацизма, за свободу личности - вот и все. Не так важно к какой "тенденции" (выражаясь по-троцкистски) причисляет себя человек, какому "-изму" поклоняется. Мы не можем себе позволить роскошь - ссориться и колоться из-за различного понимания "конечного идеала", если не хотим навсегда остаться сектой. "Теория" и "программа" могут родиться (равно как и реальные, а не надуманные и догматические расколы) только в процессе реальной борьбы и практики, а не на основании различных предпочтений теорий, созданной в далеких странах сто лет назад.

Итак, политические принципы и взгляды участников - дело важное, но не главное. Главное - если КАН организация действенная - другое:

а) деловые качества людей (не нужно балласта, только те, кто хочет и может работать, "лучше меньше, да лучше");

б) моральные качества и личностная совместимость членов организации.

Необходимо решать вопросы приема новых членов и все важнейшие вопросы только консенсусом всех участников КАНа на общих советах. Эти принципы прекрасно работали в кружке "чайковцев", из которого выросло революционное движение 70-х годов прошлого века; а в "Народной воле" объединялись люди самых разных политических взглядов: либералы, социалисты-народники и прото-эсдеки, - их объединяла общность действий и основополагающих ценностей, а не "-измов". Необходимо с самого начала, не увлекаясь разработкой уставов и программ, создать неписанные "кодексы", регулирующие отношения между членами КАНа и способствующие созданию здоровой, равноправной и деловой, поистине братско-сестринской и дружеской атмосферы в организации. И, опять же, - важно не предписывать должное, но оговорить недопустимое: с одной стороны, недопустимы "нечаевщина", беспринципность и неразборчивость в средствах, с другой - конформизм, законопослушность и "внутрисистемность". Было бы, на мой взгляд, полезно соединить элементы анархистских идей и целей с элементами дэесовской "корпоративной", "внесистем-ной" этики по отношению к Власти. Не так важно, "рыночным" или "нерыночным" видит твой товарищ по организации далекое светлое будущее, как то, готовы ли вы с ним ***сегодня*** вместе работать: клеить листовки, расписывать стены, организовывать лекции и журналы, блокировать военные учреждения, "бунтовать" студентов и т.д. Итак, будущая организация должна быть прагматичной, широкой по взглядам, но единой по действиям, внепартийной и строго функциональной.

4

И последнее. Каковы могут быть реальные направления деятельности КАНа в Москве в ближайшее время? Прежде всего, надо не зацикливаться на собственной тусовке (в этом случае неизбежны загнивание и деградация), но ориентироваться вовне, расти вширь, не поглощая другие группы, но инициируя и поддерживая их. Тут может пригодиться ценный опыт КАС, когда активисты Конфедерации шли работать в студенческое, рабочее, "зеленое" движение, к школьникам, - принимали участие во всех формах самоорганизации общества, не стремясь подчинить их себе, как это делают партии. Было бы полезно, чтобы КАН искал выход на другие группы в Москве и других городах, устанавливал контакты, обменивался опытом, завязывал связи на предприятиях и в вузах, выходил на рабочих и студентов, занимался конкретными социальными проблемами: не только экологией, но и правозащитой, сквоттерством, профсоюзами, антивоенным движением (сегодня весьма актуальным и, боюсь, надолго!).

Но это - более или менее отдаленные цели и перспективы. Пока же, исходя из наличных у нас (немалых) сил, было бы реально создать организацию прежде всего как мозговой центр, координирующий теоретико-просветительно-пропагандистскую работу, не дающий догматических рецептов и не суживающий себя каким-то одним "партийным" направлением, но занятый широким поиском, создающий некое идейно-культурное "поле", в котором найдется место и философии, и истории, и современности, и экологии, и феминизму, и пацифизму, и синдикализму, и анархизму, и народникам, и "зеленым"... Еще раз подчеркну - мы должны быть принципиальны в деловых и моральных вопросах, но идейно-терпимы и (извиняюсь за выражение) "плюралистичны". Ответов нет - есть вопросы. Теории нет - есть традиции и вектор поиска.

Возможны "секции" (как некогда в историко-политическом клубе "Община", составляющие микро-федерацию; при этом желательно участие членов КАН сразу в нескольких секциях) по следующим, вырисовывающимся вполне реально уже сегодня направлениям:

а) ***библиотека*** "левой" литературы и периодики (то, что мы и так делаем в частном, индивидуальном порядке: скупка и распространение определенного рода литературы, только систематическая, организованная, с рассылкой по другим городам/средам; так, чтобы можно было в некоем месте у неких людей по неким дням брать книги для чтения; кстати, упомянутые мною "чайковцы" начинали именно с "книжного дела";

б) ***лекторий*** для широких кругов населения (важно, чтобы в нем поднимались не только политические темы, но и вопросы культуры, литературы, религии, показывались фильмы, проводились концерты) и ***кружок*** (со специальной тематикой и углубленным изучением известного ряда вопросов) для особо интересующихся, а также организация ***тематических вечеров и конференций***;

в) ***регулярное периодическое издание и систематическая издательская деятельность*** (переводы с ино-странных языков, выпуск классики и брошюр современных авторов России и зарубежья). Регулярное издание видится мне чем-то вроде "Общины" 1988-89 гг.: нечто среднее между газетой и журналом (желательно ежемесячник), сочетающий теоретические материалы с хроникой, освещающий наши действия и действия близких нам групп в Москве и других городах, а также революционное движение в мире и те социальные конфликты, о которых не сообщают СМИ;

г) ***организация уличных акций*** (создание постоянно действующей "точки", где с нами могли бы встретиться любопытствующие, достать нашу литературу; разовые уличные акции, демонстрации и проч., систематические листовки, радикальные акции).

Все это по моему убеждению, вполне реально уже сегодня. Это необходимо сделать сейчас: силы у нас имеются, надо лишь их организовать.

Те, кто хочет реально работать в указанном направлении, кто в целом разделяет высказанную здесь позицию, приглашаются мной к сотрудничеству. Только от нас зависит - останемся ли мы жалкими маниловцами, скорбно и беспомощно наблюдающими за тем, как человеческая личность втаптывается в грязь в нынешнем обществе, ностальгически вспоминающими о славных подвигах революционных предков, - или окажемся достойными тех имен ("анархисты", "революционеры", "радикалы" и т.д.), которые столь легко и пока безосновательно себе присвоили.

2-3 февраля 1995 г.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Макс Штирнер, "Единственный и его собственность". Харьков, "Основа", 1994. (С приложением "Штирнер в философской литературе.)

Эта книга известна, без сомнения, всем кто когда-нибудь интересовался историей либертарной мысли. Но очень немногие ее читали: ведь с двадцатых годов на русском языке "Единственный" не переиздавался. Пелена мифов и штампов окутывала это замечательное произведение. Иоганна Каспара Шмидта, вошедшего в историю под псевдонимом "Макс Штирнер", считали "ницшеанцем раньше Ницше", проповедником безграничного индивидуализма, апологетом грубого эгоизма... Теперь читатель сможет сам убедиться (прочитав как "Единственного", так и подборку работ мыслителей, писавших о нем), насколько справедливы эти суждения. Тому, кто впервые откроет книгу Штирнера, предстоит захватывающее чтение - написанная ясным и выразительным языком (большая редкость для немецкой философии!), она представляет собой одновременно и полемическую публицистику, и философский трактат, а местами - лирическое произведение.

Разбирать достоинства и недостатки "Единственного" в нескольких словах - задача абсурдная. Пожалуй, позволю себе лишь одно замечание: при всех противоречиях, крайностях, нелепостях "Единственный и его собственность" - одно из самых выдающихся исповеданий индивидуализма, замечательный памятник анархического миросозерцания. В этой книге пробудившаяся личность, осознавшая себя центром мироздания, целью, а не средством, творцом Истории, ценностей, смыслов, истин, - заявляет о своих правах, запальчиво посягает на неприкосновенных кумиров - мораль, религию, закон, государство, общество, разум, науку. Прежде всего и выше всего личность, - говорит всей своей книгой одинокий и непонятый немецкий мыслитель. Эта Личность - "Единственный", "творческое Ничто" - бесценна и уникальна; она бунтует, верит, любит, творит, вступает в "союз" с другими такими же Личностями и, на развалинах разрушенных кумиров, на руинах наций и государств, творит новое, свободное от гнета и принуждения общежитие.

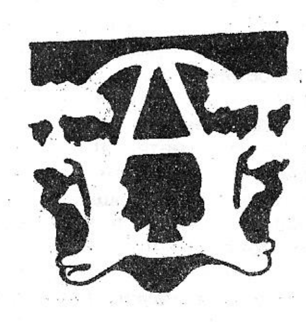
Петр Рябов

Петр Аршинов. История махновского движения. Запорожье, "Дикое Поле", 1995. (С предисловием В.Волина.)

Одно из важнейших произведений, написанных анархистами после русской революции 1917-21 гг., книга Петра Аршинова рассказывает об одном из самых драматических эпизодов гражданской войны на Украине и анализирует опыт массового народного движения, выступавшего под лозунгами народного самоуправления. Появление этой книги после десятилетий запретов нельзя не приветствовать, потому что она по-прежнему является одним из немногих правдивых произведений о махновщине.

Несмотря на то, что в последние годы тема махновщины получила освещение как в периодической печати, так и благодаря публикации книг на эту тему, произведение Аршинова, тем не менее, не утратило своей ценности, поскольку оно написано одним из активных участников событий. Помимо изложения хода событий и их анализа (в основном начиная с 1919 года вплоть до окончания махновской эпопеи на Украине) в книге содержится подробный анализ природы и исторического значения махновщины в русской революции, а также освещение тем, которые традиционно крайне тенденциозно подавались как в "марксистской", так и в буржуазной историографии (личность Махно, национальный вопрос, в том числе в связи с обвинениями махновцев в антисемитизме и организации погромов, история соглашений махновцев с большевиками и т.д.). Вместе с недавно опубликованными мемуарами Махно (которые как раз освещают в основном первый период махновщины, 1917-18 гг.) книга Аршинова представляет собой "обязательное чтение" на эту тему.

Михаил Цовма

ЧЕЛОВЕК БУНТУЮЩИЙ:

ФИЛОСОФИЯ БУНТА У МИХАИЛА БАКУНИНА И АЛЬБЕРА КАМЮ

Петр РЯБОВ

Михаил Александрович Бакунин и Альбер Камю... Эти два имени не случайно соседствуют здесь. Оба эти мыслителя, жившие в разных странах и в разных столетиях, сделали категорию "бунта" одним из основополагающих понятий своих оригинальных учений о человеке. Но если у Бакунина встречаются лишь отдельные, не приведенные в систему мысли о бунте, то у Камю бунт становится важнейшей категорией.

По мнению Михаила Бакунина, бунт является одним из трех важнейших признаков "всякого человеческого, как индивидуального, так и коллективного, проявления в истории", наряду с человеческой животностью и мыслью. Именно через бунт рождается личность, творчество, свобода, происходит вычеловечивание человека. Бунт, таким образом, является важнейшей и специфически человеческим качеством. Но что понимает Бакунин под словом "бунт" и против чего этот бунт направлен?

Вопреки распространенному стереотипу, Бакунин, этот пламенный бунтарь, понимает под бунтом отнюдь не тотальное отрицание, не безграничное разрушение. В своих произведениях он настойчиво указывает на границы бунта и на его относительность. По его убеждению, невозможен и лишен всякого смысла бунт абсолютный, бунт против Природы как мирового целого или против "второй природы" - общества. Вне Природы и Общества для Бакунина ничего не существует, нет ничего сверхъестественного, и за их рамки выйти человеку не дано. Природа и Общество в целом - это почва, на которой мы вырастаем, поле, на котором мы обречены вести свою игру. Но против *данной* природы и *данного* общества человеку можно и должно бунтовать, преобразуя мир и себя в мире, рождая в борьбе специфически человеческую реальность. Ведь принять всю данность окружающего, мириться со всем злом и несовершенством мироздания - значит, по Бакунину, предать человеческий жребий, отречься от свободы. Невозможно как тотальное отрицание Природы и Общества, так и абсолютное принятие данной природы и данного общества. Познавая себя и законы, управляющие природой, обществом и им самим, человек одновременно частично освобождается от гнета этих законов, расширяет зону своей автономии, преодолевает сковывающие его узы в окружающем мире и в себе самом. Поэтому понятно, что огромное значение в человеческом бунте принадлежит мысли и науке, при помощи которых человек выделяется из окружающего мира и как бы "присваивает себе", по выражению Бакунина, законы, управляющие этим миром. В процессе этого бунта, пишет Бакунин, человек "добивается постепенно сбрасывания ига внешней природы, ига своих собственных естественных несовершенств и... ига авторитарно установленной социальной организации". Рассматриваемое под этим углом зрения развитие как отдельной личности, так и всего человечества в целом, есть бунт - бунт, опирающийся на исходные условия среды и одновременно отрицающий их. В такой трактовке бунта не как абсолютного и одноразового акта, но как процесса, сочетающего в себе моменты отрицания и созидания, очень ярко проявилась виртуозная диалектика Бакунина, нашедшая свое воплощение в его известном девизе: "Дух отрицающий есть дух созидающий, страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть".

Переходя от общефилософского рассмотрения бунта к его конкретным формам, Бакунин останавливается на таких видах бунта, как бунт человека против внешней природы (понимаемой в узком смысле слова); против своей собственной внутренней природы - точнее, против элемента "животности" в ней, вытесняемого растущей свободой, отождествляемой им с человечностью; бунт против Бога как сакральной основы любой идеальной и реальной тирании; бунт против любого внешнего авторитета, навязываемого личности извне и воплощаемого прежде всего в Государстве. Неоднозначным является отношение Бакунина к бунту личности против общества. В тех случаях, когда общество влияет на личность благотворно, способствуя развитию мысли и свободы, бунт, конечно же, не нужен. В тех случаях, когда общество давит и порабощает личность, развращает ее, бунт человека против общества в котором он живет, становится необходимым, как условие его духовного самосохранения. Бакунин подчеркивает, что Государство, всегда воздействующее на человека грубо, извне, насильственно, как бы само провоцирует на бунт против себя, и этот бунт многократно легче, нежели бунт человека против общества - предшествующего ему, окружающего его, незаметно и естественно формирующего индивида по своему образу и подобию. В таком случае, говорит Бакунин, "человек должен, по крайней мере отчасти, восстать против себя самого, ибо со всеми своими материальными, интеллектуальными и моральными задатками и стремлениями он сам есть лишь продукт общества."

В целом, говоря о понятии "Бунта" у Бакунина, надо отметить его многогранность и неоднозначность в учении великого русского анархиста. Эта категория трактуется Бакуниным в разных местах его работ под несколько различными углами зрения с разной степенью обобщения. С одной стороны, Михаил Александрович рассматривает "бунт" предельно широко, как синоним свободы и человечности, как неотъемлимый признак и элемент человеческого существования, как процесс развития человека, одновременно и вырастающего из почвы Природы и Общества, и связанного с этой почвой и отрицающего, преобразующего ее. Надо добавить, что на эти мысли наложила отпечаток идея линейного прогресса природы и общества, являющаяся общим местом для большинства мыслителей XIX-го века. С другой стороны, он трактует категорию "бунта" более узко, как лишь частный момент свободы, один из ее компонентов, причем компонент сугубо отрицательный, не исчерпывающий всего ее содержания. Наконец, нередко в произведениях Бакунина речь идет о конкретных формах бунта против конкретных же форм и явлений природы и общества - против божественного, государственного или общественного авторитета, против внешней бесчеловечной природы и внутренней животности человека. Как я уже отметил, Бакунин не систематизировал свои мысли о бунте, и приведенный здесь их обзор является несколько упрощенной, но в целом адекватной их реконструкцией.

Эти мысли о бунте для Бакунина принципиально важны, ибо позволили ему утвердить в мире, связанном жестокой закономерностью, человеческое начало, служа своеобразным гуманистическим противовесом исповедуемого им всеобщего детерминизма. Хотя эти мысли и не были развиты Бакуниным, но можно без преувеличения утверждать, что в учении о бунте Михаил Александрович почти на столетие опередил свое время и явился предшественником экзистенциальной философии бунта Альбера Камю.

Камю пытается найти ответ на великий вопрос, во всей остроте поставленный перед человеком современной эпохой: что мне делать и можно ли жить, если Бога нет, мир не имеет смысла, а я смертен? Для Камю абсурд, изначальная дочеловеческая и внечеловеческая бессмысленность мироздания, есть стихия человеческого существования, и поэтому достойным ответом человека на этот абсурд как раз и является непрерывный, безнадежный и героический бунт. Знать о своей смерти, не убегая от

этого горького знания, и тем не менее жить, вносить в бессмысленный мир свой человеческий смысл - это уже означает "бунтовать". В таком бунте рождаются все человеческие ценности: смысл, свобода, творчество, солидарность. По Камю, абсурд начинает иметь смысл, когда с ним не соглашаются. Бунт изначально обречен на поражение, ибо смертен и отдельный человек, и человечество в целом. Именно в бунте человек - единственное животное, способное к бунту, к осознанию своей смертности, свободы и ответственности, - утверждает и свою личную индивидуальность, и общечеловеческую солидарность, и человеческий смысл, выраженный Камю в лаконичной формуле: "Я бунтую, следовательно, мы существуем". Тем самым категория "бунт" из метафоры или узкополитического понятия превращается в важную характеристику человеческого существования.

Бунт, по Камю, есть своего рода балансирование на острие ножа между двумя, с виду противоположными, но в сущности сходящимися воедино крайностями: крайностью тотального принятия, конформизма и крайностью тотального отрицания, нигилизма. И то и другое ведет к разрушению человека и человеческого мира. В первом случае человек отказывается от борьбы, от свободы, от себя, принимает мир целиком, каков он есть, со всеми его гнусностями и абсурдом, во втором - не выдержав борьбы, дезертирует, неизбежно идет к аморализму, убийству и самоубийству.

Альбер Камю подробно рассматривает все тупики и искушения этой "вселенной бунта", богато иллюстрируя свои рассуждения литературными, историческими, философскими примерами. Осознав абсурд мира, человек может испугаться, отвернуться, бежать в миражи, либо, напротив, уйти из жизни, как Кириллов в "Бесах" Достоевского. И в том, и в другом случае - самоубийство, распад личности и человеческой реальности. Напротив, жить, не питая иллюзий, вносить в мир смысл, преобразовывать вселенную, совершая подвиг Сизифа - это путь, достойный человека. И на этом пути личность проходит от изначального одиночества и потери всяческих ориентиров к гуманистической солидарности свободных людей, отрицающих и самоубийство и убийство других людей. Ведь личность немыслима вне человечества, и все люди объединены одним общим бременем - бременем знания и свободы. Бунтующему человеку не нужны ни рабы ни господа - ему нужны такие же свободные люди. Такие люди не стремятся раствориться в объективном мире, не ищут утешения в кумирах Прогресса, Науки или в исторических мифах, - они свободны и ответственны, они честно несут свою тяжелую ношу по жизни, не предавая человеческий удел. Отрицая богов и вечность, они утверждают *свое* время, *свое* настоящее, единственное, трепетное, неповторимое, в конечном счете, самих себя. Бунтуя, человек не убегает из мира, и не принимает его полностью, но преобразует его и тем самым очеловечивается сам. Рассматривая дороги и перепутья "вселенной бунта", Камю, в частности, показывает что в политике тотальное отрицание ведет к тому же рабству и диктатуре, что и тотальное принятие существующего порядка: прометеи превращаются в цезарей, сверхчеловеки начинают нуждаться в рабах.

Яркий и показательный пример бунта - искусство. Камю пишет: "Искусство не есть ни тотальный отказ, ни тотальное согласие с тем, что есть". Искусство - и отказ и согласие одновременно. Ибо тотальное отрицание в искусстве ведет к чистому формализму, к отрыву и уходу от мира, а тотальное принятие - к чистому "фотографическому реализму": и то, и другое абсолютно бесплодно, тогда как истинный художник и принимает мир, используя его материал для своих творений, и переделывает его, накладывая на косное вещество мироздания неповторимый отпечаток своего стиля.

Так, на многочисленных примерах, Камю показывает эти Сциллы и Харибды бунта, прокладывая ориентиры для трагической, но свободной и мыслящей личности, солидарной с другими такими же личностями - для Человека Бунтующего.

Философия бунта Камю - выдающееся достижение гуманистической мысли современности. Она возникла в пламени антифашистского Сопротивления и была основана на осмыслении катастрофического опыта XX века, поставившего под сомнение само существование человека. Но еще задолго до Камю в середине XIX-го века многие глубокие прозрения и интуиции, предваряющие его философию бунта, были высказаны русским анархистом М.А.Бакуниным. Эта философия Бунта, честная и человечная, помогает человеку живущему в нашем жестоком, растерянном и абсурдном мире, найти прочную опору. Но эта опора - не удобные и унизительные костыли для жалкого инвалида, это оружие сопротивления, вкладываемое в руки бойца, сражающегося в окопах современности.

ЭКОНОМИКА СВОБОДЫ

Вадим ДАМЬЕ

Крушение государственно-капиталистических диктатур в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе доказало, что любые попытки совместить справедливый общественный идеал с сохранением государства и товарно-денежных (рыночных) отношений обречены на неминуемый провал. Коммунистический анархизм всегда предсказывал марксистским утопиям именно такой конец; он ни в коей мере не дискредитирован опытом социал-демократии и партийно-государственного "коммунизма", а потому нет никакой необходимости "дополнять" его заимствованиями из этих учений, которые потерпели полный крах.

Идея "рыночного социализма" относится именно к таким заимствованиям. Она родилась в головах социал-демократических теоретиков и была взята на вооружение партийными реформаторами, что, однако, не спасло "коммунистический лагерь", а ускорило экономическую катастрофу. Тем не менее, многие левые - включая часть анархистов - подхватили мысль о соединении социализма и рынка, сочтя ее альтернативой централизованному "планированию".

Между тем попытки антигосударственных, антиавторитарных социалистов сочетать справедливое общественное устройство с рыночными отношениями всегда проваливались. Они вели либо к своеобразному "коллективному капитализму" (так произошло, по описанию Г.Леваля и Д.Абада де Сантильяна, с некоторыми коллективизироваными предприятиями во время испанской революции: они сохранили деньги и систему заработной платы и продолжали вести хозяйство эгоистически, на свой страх и риск), либо к ограничению самоуправления за счет расширения полномочий менеджеров (с целью более оперативного и "эффективного" принятия решений на рынке, как это имело место в киббуцах).

Рыночные отношения - даже самые "свободные" - совершенно несовместимы ни с солидарностью, ни с нравственностью, ни с самой свободой. Французский философ-экологист А.Горц показал в книге "Критика экономического разума", что как при централизованно-бюрократической, так и при рыночной системах воля человека скована, а его деятельность и вся жизнь общества ускользает из-под его сознательного контроля. Так, когда люди подчинены безликим и не зависящим от них законам рынка, которые невозможно проконтролировать, результаты несогласованной деятельности индивидов не соответствуют их воле и желанию. Эти результаты случайны, как в термодинамике. Между тем, свобода - это возможность осознанно управлять своей собственной жизнью (самоуправление). Социопсихолог Э.Фромм ("Иметь или быть") дал блестящий анализ так называемого "рыночного характера", показав как рыночные отношения разлагают и деформируют человеческую личность: она превращается в объект купли-продажи, в товар, который сам стремится выгоднее продать себя и развивает в себе только те качества, которые могут быть "куплены". Все отношения между людьми подчиняются эгоистическим, утилитарным принципам выгодности, любая деятельность становится проституцией, а взаимопомощь и солидарность исчезают, сменяясь взаимной войной "всех против всех" , войной между озлобленными и завидующими друг другу индивидами.

Рыночные отношения не могут существовать в действительно свободном и солидарном обществе - они неизбежно и неминуемо разрушат его.

Некоторые предлагают сохранить рыночную ("социалистическую") модель только на "переходный" период до анархо-коммунизма, с оплатой "по количеству и качеству труда". Они повторяют марксистские доводы о различии между "социализмом" и "коммунизмом", о "перерастании" первого во второй и об условиях такого перерастания (более высокая производительность труда, изобилие, высокая сознательность и т.д.)

Эти чисто продуктивистские аргументы еще можно было бы обсуждать всерьез лет тридцать назад, до наступления экологического кризиса. Сегодня абсолютно ясно: справедливое общество может строиться только на экологической гармонии. Если человечество хочет выжить, то не только о росте, но в ряде отраслей даже о сохранении уровня производительности труда развитого капитализма не может быть и речи. А уж тот, кто связывает коммунизм с "изобилием" в традиционном смысле слова, рискует вообще никогда его не дождаться: неограниченный рост экономики в ограниченной системе планеты Земля невозможен.

Трудно согласиться и с мыслью о том, будто "оплата по количеству и качеству вложенного труда" наиболее результативна и приемлима, если мы хотим избежать незаинтересованности и пассивности со стороны трудящихся. Равнодушие людей к их собственному труду возникает тогда, когда они не могут сами контролировать его ход и результаты, не ощущают его общественной значимости, не представляют себе смысла и цели трудового процесса в целом. Это естественно при наличии отчуждения и детального ("тейлористского") разделения труда при современном индустриальном производстве, и никакое "материальное стимулирование" не в силах здесь что-либо изменить. Зато в аграрных коммунах революционной Испании и в киббуцах с коммунистической системой распределения люди понимали, зачем и для кого они работали, и трудились ничуть не хуже и не менее результативно, чем на капиталистических предприятиях.

Всерьез вести речь об оплате по количеству и качеству вложенного труда могут только те, кто вслед за марксистами полагает, будто эти вложения вообще можно измерить. В действительности же это невозможно. Любой общественно необходимый труд равноценен; нет возможности определить какому количеству труда, например, инженера равно какое-то количество труда крестьянина или водителя автобуса. Производительность труда может быть случайной и зависеть от очень многих факторов, вообще не поддающихся учету. Наконец, при современном производстве в любом изделии заключен труд тысяч и тысяч людей, даже нескольких поколений. Да и кто будет определять и устанавливать это "количество и качество" труда? Новая ***власть***?

Попытки установить новую общественную иерархию "по труду" приведут только к нарушению равенства и солидарности, к возникновению новой привилигированной элиты "работоспособных", "квалифицированных" и преуспевающих, к установлению власти новых "стахановцев " и ударников "социалистического труда". А для защиты их власти и привилегий снова потребуется ***государство***.

Разумеется, в свободном анархо-коммунистическом обществе и на первых порах сохраняются индивидуальные хозяйства, не эксплуатирующие чужой труд - мелких крестьян, ремесленников, кустарей. Они не будут подвергаться принудительной экспроприации, а подлежат добровольному постепенному кооперированию. Но было бы тяжелейшей ошибкой строить отношения в уже социализированном хозяйстве на тех же основах, что в индивидуальном "секторе", иначе этот последний неизбежно подчинит себе экономику в целом. Вплоть до полного обобществления мы будем иметь дело с двумя совершенно различными, пусть и взаимодействующими хозяйственными системами, причем в большей из них - социализированной - следует ***с самого начала*** установить коммунистические принципы распределения: свободное потребление того, что имеется в избытке и общественное распределение всего остального пропорционально индивидуальным потребностям (Кропоткин), от каждого по его ***индивидуально различным*** способностям, каждому по его ***индивидуально различным*** потребностям (принцип киббуца). Отношения с индивидуальными хозяйствами могут строиться на основе прямого продуктообмена, договорного доступа этих хозяйств к социализированным благам и услугам, транспорту и т.д. Преимущество при этом следует отдавать кооперативам.

Отношения в социализированном (коммунистическом) "секторе" с самого начала будут не рыночными, а ориентированными на потребности реальных людей. Экономика свободного общества будет ***планируемой*** в подлином смысле слова. При государственно-капиталистической диктатуре "планирование" было фальшивым, поскольку осуществлялось не снизу, "от потребителя", а сверху, из центра. Теперь же ассоциированые производители и потребители смогут совместно и солидарно определять, ***что, где и как*** будет производиться и потребляться, а на основе свободного договора "снизу вверх" сможет обеспечиваться взаимная координация потребностей и производственных возможностей. Пути такого "планирования снизу" подсказаны практическим опытом реально существующих коммун и потребительских кооперативов: потребители будут суммировать свои потребности на регу-

лярных общих собраниях местных ассоциаций и координировать затем эти решения с производственными возможностями в экономических органах коммун или на их общих собраниях с делегатами от ассоциированных производителей. Коммуны, объединенные в региональные и межрегиональные федерации, самоуправляющиеся производители и потребители смогут, совместно и солидарно суммируя и координируя потребности и возможности с помощью статистики, через делегатов на конгрессах коммун и в экономических советах различного уровня, развивать более крупные хозяйственные объекты, которые служат всем или нескольким коммунам.

"Планирование" экономики анархического общества не должно быть централизованным. Далеко не все необходимо координировть на уровне региона, континента или планеты. Здесь уместен иной принцип. Регион не должен брать на себя то, что одна коммуна в состоянии сделать сама, на затрагивая интересы других. И регион может управиться сам с большинством своих проблем, которые он в состоянии разрешить сам. Поэтому экономика анархизма ориентирована на максимально возможное (хотя, разумеется, не полное) самообеспечение. Это позволит, помимо прочего, смягчить экологические, сырьевые и транспортные проблемы и приблизит производство к потребителю.

Многие экономические и экологические проблемы современного общества порождены именно тем, что производится не то, что действительно необходимо конкретным потребителям, а то, что им могло бы понадобиться с точки зрения разрозненных производителей. То есть никто не знает заранее, нужно ли людям то или иное производимое изделие; это определяет затем рынок или бюрократ.

В свободном экологическом обществе все должно быть иначе. В свободном обществе экономика начинается с потребителя. Потребительские ассоциации, объединения жителей вместе с синдикатами работников распределительных центров в городских кварталах и в сельской местности занимаются выявлением текущих и перспективных потребностей жителей (нечто вроде системы заказов) и передают статистические материалы в экономический совет коммуны, который вместе с делегатами от синдикатов и от потребительских ассоциаций, опираясь на статистику, определяет, что из необходимого коммуна может произвести своими силами, для чего требуются продукты или участие извне и какие изделия или услуги коммуна может предоставить жителям других коммун. То, что коммуна в состоянии сделать для себя своими силами, делается на местном уровне и не требует координации с другими. Все остальное координируется с другими коммунами на том уровне, на котором необходимо. Координация осуществляется с помощью статистики на экономических конгрессах делегатов от коммун и затем ратифицируется самими коммунами (никто не может заставить коммуну участвовать в том или ином общем проекте, но в таком случае никто не может заставить другие коммуны продолжать иметь с ней дело). То есть ***производиться должно именно то, что действительно необходимо конкретным людям или группам людей***. Распределение будет осуществляться через те же распределительные центры, которые собирают потребительскую информацию, безвозмездно, но по предъявлению потребителями индивидуальной карточки с указанием, что они отработали договоренное членами коммуны рабочее время, или детской, или пенсионной карточки (для неработающих и больных).

По мере развития новых общественных отношений можно будет осуществлять разукрупнение гигантских городов, экологизацию общественной и индивидуальной жизни, перераспределение труда в обществе (в том числе между полами), так чтобы постепенно жесткая специализация труда отошла в историю, а труд превратился в творческую и доставляющую удовольствие созидательную игру.

Хозяйственная система нового общества может быть только экономикой всеобщего самоуправления, экономикой свободы. Не професссиональные управленцы, бюрократы и директора должны регулировать производство, а сами трудящиеся. Общие экономичесие решения предстоит принимать всем - на общих собраниях потребительских ассоциаций и коммун или (через делегатов с императивным мандатом) на их конгрессах, а непосредственное руководство производством сосредоточится в руках самоуправляющихся трудовых коллективов, созданных ими технических советов и синдикатов, объединенных в двойную (отраслевую и территориальную) федерацию.

Все это, разумеется, только общие и принципиальные соображения. Есть множество деталей, которые невозможно предугадать и уж тем более - отразить в небольшой по объему статье. Ответ подскажет практика свободного общества. Пока же важно сознавать одно: люди, желающие выжить в достойных условиях, вынуждены будут отказаться от господства над природой и над себе подобными. Но это означает именно коренное изменение процессов и путей принятия общественных и экономических решений, замену внешнего регулирования (со стороны бюрократии или стихийных рыночных законов) самоуправлением и федеративным договорным "планированием" снизу.

Иными словами, ***анархическое общество будет обществом без бюрократии, без денег и без рынка, или его не будет вообще***.

<u>ОТ РЕДАКЦИИ</u>

Не вдаваясь в частности, хотелось бы поспорить с автором по существу вопроса. Не то что бы мы были в принципе против рассуждений о том, как должно выглядеть либертарное общество. Наверное в таком "чистом", отдаленном от существующей реальности теоретизировании есть определенный смысл. Но не следует придавать и большое значение данным моделям. Либертарное общество может быть лишь результатом "живого творчества масс", активной самоуправленческой деятельности миллионов людей. Если это вообще когда-нибудь произойдет, то неизбежно возникнут самые разные формы самоуправления и самоорганизации (ибо сколько людей, столько и мнений). Консенсусом, соглашением между самоуправляющимися структурами и будет определяться форма будущего общества. Каким оно будет никто не может знать, уже хотя бы потому, что жизнь всегда оказывается иной, чем наши представления о ней. И если уж заниматься теорией, то такой, которая связана с жизнью, например, изучая опыт потребкооперации, коммун, групповых предприятий, различных самоуправленческих движений, иначе мы всю оставшуюся жизнь будем строить воздушные замки.

ДЕТИ ДЕКАБРЯ

Николай МУРАВИН

Тонкое стальное сверло вонзилось в скорлупу его сна. Сначала боли не было, оно работало где-то в стороне, но вдруг стремительно приблизилось, все ближе, жужжание растет до нестерпимой ноты, это злой механический жук с ядовитым жалом, мама, я боюсь!

Янек открыл глаза и сел. Сердце бешено колотило в стены своей тюрьмы, а снаружи и сверху, над третьим этажом, над чердаками и печными трубами, грохотали двигатели воздушной машины. Потом звук стал слабеть и исчез вдали. Тогда Янек услышал голоса, доносящиеся из гостинной, выпрыгнул из кровати, шлепая босыми ногами по холодному паркету, подбежал к двери и отворил ее.

Мать и отец стояли посреди комнаты. Отец был в пальто. Он не разулся, и грязными следами его мокрых ботинок был истоптан весь пол. Он что-то громко говорил, Янек уловил фрагмент фразы: "иначе невозможно, мы будем защищаться...", а мама мама плакала. Янек закричал: "Мама!", бросился вперед и прижался к ней.

- Я побежал, - сказал отец, - не бери в голову, все будет нормально. Ну, пока, сын.

Янек ткнулся носом в широкую, пахнущую табаком ладонь, которой отец хотел погладить его по волосам. Он терпеть не может, когда его гладят, как котенка, - ведь он уже взрослый.

- Ты когда придешь? - крикнул он вслед отцу, но тот не ответил, щелкнув замком входной двери.

Мать наклонилась, подхватила его и поставила на подоконник. На улице шел снег, было пусто и тихо, и отец шагал уже между черными деревьями парка.

- Мам, а он на работу пошел?
- Да. На верфь, - еле слышно ответила она.
- А вечером придет?
- Да... Но, может быть, он задержится...
- А дядя Сташек придет к нам в гости?
- Не знаю. Он постарается.

Янек оглянулся: на настенных часах уже девять.

- Мам, а почему вы меня в школу не разбудили?
- Занятий не будет, по радио передали.
- А почему?
- Почему, почему! - вдруг рассердилась мать. - А ну слезай с окна, марш умываться, живо!

Янек хочет слезть и обидеться, но тут вновь возникает звук, разбудивший его. Звук достигает максимума над домом, и в видимое пространство врывается темно-зеленый вертолет, летящий низко над городом в сторону моря, к верфи.

- Мам, а зачем он туда полетел? - удивляется Янек, забыв про обиду.
- Он... Его послала власть, сынок.

Янек вспоминает: Он видел такое по телевизору.

- Он будет бросать бомбы на верфь? Как во Вьетнаме?
- Нет, нет, сынок, - быстро отвечает мать, почему-то стискивая его в обьятиях так, что становится больно. Власть просто пугает. У папы, у дяди Сташека и их друзей вышел спор с властью, ну как вы спорите во дворе со Збышеком. А власть не умеет спорить, но у нее есть войско, вот она и пугает рабочих.
- Мам, а Стась говорил, что у нас началась забастовка, и поэтому к нам из Слупска идут танки. Разве забастовка - это война?

Она молчит. Слезы скатываются по щекам. Янек терпеть не может, когда мама плачет, самому тогда хочется зареветь в три ручья, но он терпит, потому что мужчины не плачут, а он уже большой мужчина - ему семь лет.

Когда Янек подрос и начал писать стихи, он назвал 1970-й Годом Вертолета.

* * *

1979-й был Годом Вскрытых Писем. Власть, все еще надменная и незыблемая, словно почувствовала, как зреет в стране еще не оформившаяся, но враждебная и страшная для нее сила. Были увольнения и аресты. Были письма, которые вынимали по утрам из почтовых ящиков помятыми, небрежно заклеенными, лишенными тайны, которую должны были хранить они за плотной бумагой конвертов. Через письма к миру Яна впервые прикоснулись грубые цепкие пальцы госбезопасности.

На уроке алгебры Янек сидел через проход от Агнешки. Ему нравилось смотреть, как она отбрасывает выбившийся локон, склоняясь над тетрадью, как высовывает от избытка усердия розовый язычок, вычерчивая преаккуратные графики. Его место было опасным, слишком близко от учителя, - на носу конец полугодия, а алгебру он терпеть не мог - но оптимальным для наблюдения за волнующим профилем. Он собирался проводить Агнешку после занятий. Когда прозвенел звонок, он первым выскочил из класса, чтобы перехватить ее в коридоре, но в коридоре стоял бледный и совершенно непонятный Збышек. Таким Янек его никогда не видел. Он схватил Янека за рукав, потащил на лестницу, в темный причердачный тупик, где обычно лицеисты баловались сигаретами, а сейчас никого не было, и выпалил:

- Гжеся арестовали!
- Когда? - механически отреагировал Янек.
- Утром! За ним приехали на машине, чуешь? Я сам видел.
- Обыск был?
- Не знаю, я забежал домой, и к тебе. Чертова политика, говорил я...
- Ты считаешь, это из-за "Нетопыря"?

"Нетопырем" назывался школьный контркультурный журнал, который делали в основном трое - Янек, Збышек и Гжесь - в трех экземплярах: один поступал в общую библиотеку, второй вручали автору "гвоздевой" статьи номера, третий уходил друзьям Гжеся из театральной студии в Новой Гуте.

- Чем им мешает журнал в трех экземплярах, который пишет про "Роллинг Стоунз"?
- Ты отлично знаешь, - сказал Збышек, - что там не только про "Роллинг Стоунз".

Действительно, в последнем номере была статья Яна по истории Польши - вообще-то хохма, но это как посмотреть... Там всегда смотрят "как надо".

Они договорились встретиться вечером и обдумать дальнейшее. Збышек сказал, что достанет телефон, "по которому звонят в таких случаях". Самый осторожный из редакции "Нетопыря", он в своей осторожности зашел так далеко, что контактировал с нелегальными правозащитными организациями, о которых Ян с Гжесем понятия не имели.

- Лучше не ходи пока домой, - сказал на прощание Збышек.
- Да что за ерунда! - взорвался Ян. - Делать гэбухе нечего, как за "Нетопырем" охотиться!
- Ну смотри, - сказал Збышек.

Когда Ян шел домой переулками Старого города, за ним увязался тип в модной меховой куртке. Янек завернул в магазин, вроде отвязался, но вновь столкнулся с меховой курткой нос к носу у газетного киоска на площади. Потом за ним крался черный автомобиль, а когда он, спасаясь, свернул во двор, там оказались две подозрительно толстые старухи, они якобы беседовали, косясь во все стороны глазами-прицелами. Город вдруг перестал быть привычным, знакомым с первых детских шагов, город превратился в ловушку, за любым углом могли поджидать крепыши в штатском: "Руки вверх, лицом к стене! Докладывает первый! Товарищ майор, задание выполнено!"

"Страшно," - честно признался он самому себе. Страшно, от собственной тени впору шарахаться, - хорошо, что теней не было в этот пасмурный декабрьский день. Конечно, его смогут взять без всякой экзотики, без доклада товарищу майору. Он почувствовал себя зверем, мечущимся по снегу на глазах у охотников. Будет ли выстрел? Неизвестно. В том-то и дело, что ничего неизвестно. Его статьи для них, разумеется, мелочь. Но что они могут с нами сделать?

Он вышел на набережную Мотлавы. Берега сковало льдом, но посередине оставалась широкая полоса черной стылой воды. По кромке ледяного поля прыгали воробьи. В самом деле, думал Ян, нам ведь грозит только суровый разговор в большом сером здании. Нам прикажут замолчать. Внесут в какой-то список, не примут в институт, не выпустят за границу... Но рабочие верфи шли безоружными против солдат, шли под пули против этой власти. А нам прикажут замолчать, и замолчим? Это будет трусость и капитуляция. Не люблю громких слов, думал Ян, но это значит предать тех, кто погиб в 70-м.

Там, на набережной Мотлавы, он впервые понял то, что поняли тысячи людей по всей стране - вновь начинается борьба с невидимым и жестоким механизмом государства. Он понял также, где будет его место в этой борьбе.

Гжеся к вечеру отпустили. Дело, действительно, было в письмах и журнале. "Вы близко подошли к опасной черте, молодой человек. Вы и ваши друзья должны одуматься и изменить свое антигосударственное поведение. А заметки можно писать в официальную прессу, в "Штандар млодых", например". Обратно домой его на машине не повезли. "Козлы!" - выругался Гжесь, выйдя на улицу.

16 декабря три друга, не сговариваясь, встретились на несанкционированном митинге у ворот верфи - там, где девять лет назад солдаты стреляли в народ.

Не было даже мегафона. Вцепившись в ледяной бетон фонарного столба, Ян видел впереди вознесенную над головами плотной толпы фигурку оратора, до него долетали обрывки предложений: "...памятник... власти нам запретили... нас сегодня десять тысяч... выход один - забастовка!"

- Что, что там говорят? - дернул Яна за штанину какой-то старичок.

- Говорят, что если власти и к следующей годовщине не разрешат строить памятник, то каждый, кто придет на митинг, принесет по булыжнику. И сложим их в кучу, - пересказал Ян. - А кто это говорит? - не унимался старичок.

Ян пожал плечами: без понятия, но молодой парень, наверное, рабочий, стоявший рядом, сказал:

- Это Валенса, Лех Валенса из забастовочного комитета. Таких людей надо знать, папаша.

* * *

"Я объявляю, что сегодня образовался Военный Совет национального спасения. Государственный Совет, в соответствии с положениями Конституции, ввел сегодня в полночь военное положение на территории всей страны. Я хочу, чтобы все поняли мотивы и цель наших действий..."

Янек тупо смотрел, как в матовой глубине телеэкрана генерал Ярузельский бесстрастно зачитывает свое обращение. Утро 13 декабря 1981 года, воскресенье. Сколько об этом говорили, сколько было шума о передвижениях войск, но войска передвигались, а все оставалось по-прежнему: объявлялись и прекращались забастовки, вожди "Солидарности" вели свою политику, а вожди компартии - свою, росли цены, исчезали товары, но за суетой, хаосом, кризисом, за пустыми речами полномочных представителей и лихорадочным пульсом будней все-таки жила надежда на другое будущее. Яна в эти сумасшедшие месяцы не покидало ощущение, что они все бегут по туннелю, впереди - свет, но ветер дует в лицо, но за стенами что-то огромное, неодолимое готовится закрыть им путь, а они бегут, надеясь успеть... И вот обвал. Военное положение.

Назавтра они уже расклеивали листовки в городских электричках. Листовки писали фломастерами - вся множительная техника оказалась захваченной в первые часы. Они приклеивали листовки на стекла в тамбурах. Было прикрытие - друзья Збышека из клуба карате, способные задержать милицию. Многие пассажиры улыбались им, хлопали по плечам: "Правильно, парни! Все на митинг придем!" Другие делали вид, что не замечают, третьи шипели, озираясь: "Вы с ума сошли! Вас арестуют сейчас!" Но никто их не арестовал.

"Для кого-то мы сейчас выглядим этакими великолепными героями", - сказал Збышек, когда они, израсходовав весь тираж, вышли в Сопоте. "Бездельнику любой, кто работает, кажется героем," - сказал Гжесь. "Или идиотом," - добавил Ян.

16-го утром за Яном зашел Гжесь. "Военные заняли верфь!" - выпалил он с порога, но Ян не дал договорить и вытолкал наружу, подхватив с вешалки куртку, не хватало

только, чтобы мать услышала. На улицах было полно народу, все шли в одном направлении - к Пястовскому валу, к воротам верфи. Чем ближе, тем плотнее становилась толпа, что-то впереди удерживало, тормозило ее. Наконец и они были вынуждены остановиться. Яна подсадили на крышу киоска, он, балансируя, выпрямился на скользкой поверхности и увидел колышущееся море, портовые краны вдалеке, а ближе, перед оградой верфи, три сплетенных белых креста, памятник, открытый ровно год назад. Но сейчас между народом и памятником стояли длинные шеренги внутренних войск. В небе над верфью, над высоткой инженерного управления порта кружили два вертолета. Кажется, они и начали атаку.

Гжеся ранило осколком газовой гранаты. Он пошатнулся, закрыв лицо руками, а сквозь пальцы сочилась и капала на снег кровь. Кругом бежали люди, кашляя, спасаясь от слезоточивых облаков, где-то скандировали лозунги и гулко орал мегафон, бухали разрывы гранат, стрекотали винты вертолетов, пикирующих на толпу (говорят, они в суматохе закидали "черемухой" своих тоже), а сквозь клубящийся белый туман были видны цепи наступающих солдат. Вдруг совсем рядом, за углом дома, раздалось несколько выстрелов. Ян, обхватив ослепшего Гжеся за плечи, тащил его к переулку. Огромный вэвэшник, возникнув из тумана, рванулся к ним, замахиваясь тяжелой штурмовой дубинкой, но на пути его оказался какой-то парень. Ян втолкнул Гжеся в проходной подъезд, оглянулся: драка шла полным ходом.

На соседнюю улицу силы правопорядка не сунулись: там скопились возбужденные, злые рабочие. Ян крикнул: "Здесь раненый! Кто может помочь?" Подбежала женщина: "Что с ним? "По моему, осколок, - сказал Ян. "Я - медсестра, отведите его ко мне, сюда." Гжеся увели.

Завыла сирена. Ян вздрогнул, но это была не милиция, а "скорая". Машина медленно пробиралась по узкой улице, светлые мертво-синие блики включенной мигалки скользили по стенам, по стеклам, по лицам расступившихся людей. Машина проехала мимо. Ян увидел напряженный профиль водителя и девушку в белом халате. Следом за "скорой" шла женщина в распахнутом пальто, спутанные волосы развевались, на щеке алела свежая ссадина. Она повторяла: "Убили его... убили его..." Кто-то схватил ее за рукав: "Кого? Кого убили?" "Антони Броварчек, - сказала женщина - Антони Броварчек. Они стреляли в него."

Кто-то шумно вздохнул над ухом. Ян обернулся и увидел Збышека и всю его каратистскую команду, и у всех глаза были красные, некоторые просто плакали, но не от боли и не от страха, конечно. Скорее всего, от слезоточивого газа.

81-й стал Годом Газа. Как и некоторые из последующих лет.

* * *

Вечером их группа собралась у Ренаты. Рождество было на носу. Збышек достал бутылку контрабандной русской водки и после разговора ("разбор полетов" в сегодняшней акции) торжественно водрузил ее на стол. Ян не хотел пить, он ушел к окну, сел, прижавшись к стеклу лбом, и стал смотреть на кусок стены напротив, выхваченный из темноты золотым теплым пятном света. Стена была пестро расписана лозунгами анархистов поверх лозунгов "Солидарности", и на нее падала проекция его тени.

Он немного устал. Шесть демонстраций в две недели! И в университете черт знает что... Но милиция сегодня вновь отступила, и надо надеяться, это отступление означает отступление власти еще на шаг, пусть маленький, но еще на один. Да, сегодня было веселее. Веселым был весь 88-й год.

- Классно сегодня было, а? - сказал Гжесь, спускаясь рядом на подоконник.

- Ба, какие люди пожаловали...- вяло произнес Ян. Гжесь за последнее время сильно изменился, вырастил бороду и работал в Управлении железной дороги. Его дочери уже год, он редко появляется теперь на их тусовках. Шрам через скулу остался у него с декабря 81-го.

- Классно, - снова сказал Гжесь. - Но ответь, долго ли это может продолжаться?

- Что - продолжаться? - сухо спросил Ян. Он понял, о чем пойдет речь. - Борьба?

- Ну извини, - усмехнулся Гжесь. - Ты, конечно, крутой подпольщик, где мне спорить.

Это его разозлило. Да, никогда они в Гданьске не сидели сложа руки, пережив все взлеты и спады движения, и увольнения, и месяцы тюрьмы, и голодовки, и бои с милицией, в самые трудные времена они находили возможность действовать, - и вот теперь, когда дряхлеющий режим близок к падению, их обвиняют в том, что они слишком... слишком активны.

- Забастовки и борьба на улицах - две части революции, - также холодно ответил Ян.

Он любил Гжеся, они всегда были вместе, от школьной скамьи до нар в тюремной камере.

- Согласись, какое требование всех забастовок? Регистрация "Солидарности." Забастовки координирует "Солидарность", чтобы заставить правительство пойти на переговоры...

"И откуда у него этот менторский тон? - поразился Ян, - всего-то на год старше, профессор."

- ...и поэтому, когда в Гданьске каждый день воюют с полицией и поджигают комиссариаты...

- Не каждый, - сказал Ян.

- "Солидарность" предала нас! - слишком громко сказал подошедший Збышек. Он слегка покраснел от контрабандной водки.

- Ну подумай сам, что вы можете без "Солидарности"? миролюбиво спросил Гжесь.

Яну надоело, он встал и вышел. Праздник продолжался, гости разбрелись по просторной квартире. Он открыл какую-то дверь - там целовались. Побрел на кухню. За столом сидела Рената одна. Он сел напротив и спросил:

- Не помешаю? Ребята опять сцепились за политику, я сбежал.

Она спокойно улыбнулась: "Не помешаешь".

Несколько минут они молчали, каждый думал о своем. Ян вспоминал, как в мае забастовала Нова Гута, ждали всепольскую стачку, молодежь окружила костел Святой Бригиты, и когда после мессы вышел Валенса, принялась скандировать: "Но-ва Гу-та! Но-ва Гу-та!" Валенса стоял в дверях; казалось, он растерялся. "Скажи нам, Лех, скажи!" - закричал рабочий рядом с Яном. Скандирование стихло. Возникла пауза, несколько томительно-тихих секунд, но Валенса молчал, и тогда вновь загрохотало:"Но-ва Гу-та! Ют-ро страйк! Ют-ро страйк!" Валенса открывал рот, он уже говорил что-то, но было поздно. Ян знал, что Валенса скажет, и, посмотрев на лица вокруг себя, понял, что и они знают. Вокруг него были дети декабря. Власть стреляла в их отцов, власть читала их мысли, государственная власть, сжав обруч границ, учила их жить, и не ее вина, что номер не прошел, что они хлебнули свободы. Они пили свободу, сначала защищаясь, а затем штурмуя плечом к плечу ощетинившиеся овчарками и водометами стены государства. Они не хотят забыть это. И Валенсе их не понять.

Внезапно Ян заговорил о текущем моменте:

- Понимаешь, Рената, сейчас "Солидарность" готовится к переговорам. Власть слабеет. Ей нужна живая кровь, чтобы помолодеть, и она ее получает от "Солидарности". И у Польши будут новые хозяева, но власть...

Она дотронулась до его руки. Он спохватился:

- Извини. Чертова политика.

- Что пишет Агнешка? - спросила она.

Он пожал плечами, вспоминая.

- Что пишет? Написала, как устроилась. Сплошные восторги. Канада все-таки.

- Ты по-прежнему пишешь стихи?

- Ты помнишь? - улыбнулся он. - Иногда. Изредка.

- Мне нравилось стихотворение о символах лет, - сказала она. - Только символы страшные.

- Времена были такие.

- А будут другие? Мы будем когда-нибудь жить... Ну, как в Канаде?

- Я бы не хотел, - сказал он. - Я не хочу прошлого, но не хочу и как в Канаде. Наверное, надо жить по-другому.

- По-другому?

- Да. Иначе.

- А как? - спросила она.

для тех, кто этого не знает: хроника сопротивления польского общества власти (1968-89)

1968 - студенческие волнения в Варшаве и других городах

декабрь 1970 - рабочие выступления на побережье против повышения цен. Рабочие были расстреляны, но правительство было вынуждено вернуть прежние цены. Выступления привели к смещению руководства ПОРП. После этого каждый год в декабре проходили несанкционированные митинги рабочих с требованием поставить памятник погибшим.

1976 - рабочие выступления в Радоме и Урсусе, аресты, увольнения. Впервые на защиту рабочих поднимается интеллигенция, которая, помимо традиционных диссидентских форм (самиздат, подпольное издательство "Нова", клубы католической интеллигенции, Конфедерация Независимой Польши и др. организации) создает КОР - Комитет Защиты Рабочих, а затем КОС - Комитет Общественной Защиты, занимающиеся юридической и материальной помощью преследуемым Властью.

1976-80 - создание во многих городах Польши альтернативной системы образования, по преимуществу подпольной: ТНК - Товарищество Научных курсов (они тайно собирались на квартирах, профессора и ученые читали лекции по гуманитарным проблемам, наиболее интересные материалы печатались в газете "Письма ТНК"). Создание первых Свободных профсоюзов.

август 1980 - забастовка на судоверфи им.Ленина в Гданьске выливается в общепольскую забастовку. Создание Межзаводского Забастовочного Комитета, а затем Независимого профобъединения "Солидарность". Кризис Власти и ПОРП. Переговоры "Солидарности" с правительством.

13 декабря 1981 - военный переворот, введение военного положения в Польше, запрет "Солидарности", разгром ее материальной базы и оргструктур, арест и массовое интернирование ее активистов. Военный режим генерала Ярузельского.

1981-1988 - находящаяся в подполье "Солидарность" выпускает свои издания, в ней состоит 1 миллион человек. Поездка папы Иоанна Павла II в Польшу сопровождается митингами и демонстрациями.

1988 - возобновление забастовок в Гданьске и других городах с требованиями легализации "Солидарности". Массовые выступления и столкновения с милицией. Режим Ярузельского, опиравшийся на советские штыки, оказывается в полном вакууме. Лех Валенса, живший в 1981-88 гг. в Гданьске как частное лицо, впервые получает возможность обратиться с телеобращением к полякам.

весна-лето 1989 - легализация "Солидарности". На выборах ПОРП терпит полный крах, премьером становится активист КОС-КОРа и эксперт "Солидарности" Тадеуш Мазовецкий. ПОРП распадается.

АНАРХИЧЕСКАЯ И РАДИКАЛЬНАЯ ПРЕССА В БЫВШЕМ СССР

РОССИЯ

Автоном
газета Федерации
анархистов Краснодара
тел. в Краснодаре 31-69-51 (Дмитрий)

Аспирин не поможет
журнал радикальных идей
107061 Москва
а/я 500
cube@glas.apc.org

Дело труда
газета синдикалистской Омской
Конфедерации Труда
644085 Омск
а/я 2947

Казанский анархист
газета Альянса казанских анархистов
420059 Казань
а/я 199

КАС-контакт
информбюллетень Конфедерации
анархо-синдикалистов (КАС)
665832 Иркутская обл., г.Ангарск
микрорайон 7а, д.3, кв.128
Игорь Подшивалов

Прямое действие
газета Конфедерации революционных
анархо-синдикалистов (КРАС)
142530 Московская обл.
г.Электрогорск-1, а/я 31

Третий путь, радикальный
экологический журнал (с приложением
"Нижегородский анархист")
Хранители радуги, газета
одноименного радикального
экологического движения
603082 Нижний Новгород, а/я 14
tretyput@glas.apc.org
rk@glas.apc.org

УКРАИНА

Анархо-синдикалист
информбюллетень Революционной
конфедерации анархо-синдикалистов
340122 Донецк
а/я 327

БЕЛОРУССИЯ

Анархия
газета Федерации
анархистов Белоруссии
246028 Гомель
а/я 88
Логинову В.А.

ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА

ГРЕЦИЯ

17 ноября - важный день для левых в Греции, поскольку это годовщина восстания 1973 года, сбросившего военную диктатуру. Тогда восстание началось с Политехнического института, и с тех пор этот день стал символом сопротивления. Каждый год анархисты устраивают демонстрации в этот день и захватывают здание института. Обычно это сопровождается стычками с полицией, но до последнего времени полицейским было запрещено входить на территорию института. В этом году запрет был снят, и полицейские будто с цепи сорвались. Во время демонстрации 17 ноября анархисты выражали солидарность со своими заключенными товарищами и с участниками крупного бунта в Афинской тюрьме, но в результате оказались за решеткой сами - сразу 504 человека. Полиция стремилась арестовать как можно больше людей, в том числе двенадцатилетних подростков, применяя при этом свои обычные грубые методы. В операции были задействованы несколько тысяч полицейских. В конце концов 80 несовершеннолетних были отпущены на свободу, но с остальными полиция решила строго обойтись, обвинив их в уголовных преступлениях - использовании взрывчатых веществ, участии в заговоре, организации беспорядков и даже покушении на убийство. Греческие товарищи обращаются ко всем анархистам с просьбой об организации акций солидарности. Дополнительную информацию можно получить у активистов "Анархического Черного Креста" (организации, занимающейся помощью заключенным анархистам) по адресу: ABC, 8 Aristidou St. 10559 Athens, Greece. Tel. (30-1) 322 4770.

НИГЕРИЯ

Многие знают о том, что нигерийское правительство грубо и систематически подавляет любые проявления оппозиционности в стране. Несколько лет назад жертвами репрессий стали наши товарищи из либертарно-социалистической организации Awareness League, но все же к ним отнеслись гораздо более мягко, чем к Кену Саро-Вива и его товарищам в ноябре прошлого года. Кен Саро-Вива был активистом движения народа огони за свои права и был повешен по приговору нигерийского правительства. Очевидно, что одной из главных причин этого было то, что нефтяная компания "Шелл" обвинила активистов движения огони в том, что они стали причиной потери компанией 12 миллионов баррелей неочищенной нефти в 1993 году. Народ огони требует, чтобы компания "Шелл" очистила зарязненные ею районы, в которых проживают огони, и направила часть средств, получаемых от продажи нефти, на борьбу с нищетой в этих районах. (Это вряд ли можно считать очень радикальным требованием, если принять во внимание тот факт, что нищета во многом является следствием деятельности транснациональных корпораций. Гораздо более адекватной реакцией было бы изгнание "Шелл" с этой и других территорий с оружием в руках.)

В то время как большая часть средств, получаемых Нигерией от продажи нефти, уходит на выплаты по займам Международного Валютного Фонда, руководитель нигерийской хунты генерал Сани Абаша, зарабатывает миллиарды долларов в качестве управляющего Нигерийскрой национальной бензиновой компании (NNPL). Эта компания "сотрудничает" с международными нефтяными концернами, но при этом, что вполне обычно для экономики, в которой господствуют государственные компании, получаемые средства идут в основном военным, правительству и элите, а вовсе не на решение острейших социальных проблем. Коррупция зашла так далеко, что несколько лет назад NNPL оказалась в долгах по отношению к своим зарубежным партнерам и начала увольнять рабочих. Даже "карманные" проправительственные профсоюзы начали призывать к забастовкам, на улицах городов Нигерии проходили массовые манифеситации, кульминацией всего этого стала всеобщая забастовка в 1994 году. Руководство профсоюзов предало забастовщиков, и призвало прекратить забастовку уже на второй день, но многие рабочие отказались вернуться к работе. В конце концов активные организаторы забастовки были арестованы и содержались в тюрьме без предъявления какихлибо формальных обвинений, забастовка была подавлена.

С тех пор в Нигерии периодически проходят различные акции протеста, участники которых обычно подвергаются арестам. Нигерийские товарищи обращаются к нам за помощью, которую мы можем оказать, проведя акции перед нигерийским посольством в знак солидарности с их борьбой.

Зарубежную хронику подготовила
Лора АКАЙ

наперекор

катализатор умственного брожения

Москва N 1 март 1996

Над номером работали:
Лора АКАЙ, Елена ЗОРИНА, Михаил МАГИД, Николай МУРАВИН, Петр РЯБОВ, Михаил ЦОВМА

Связь с редакцией по адресу:
107061 Москва, а/я 500.
E-mail: cube@glas.apc.org

Для подписки на наш журнал достаточно отправить денежный перевод на 5000 рублей по адресу: Москва 125475, до востребования, Рябову П.В. В графе для письменных сообщений укажите сколько и каких номеров журнала вы хотите получить. (Оптовым распространителям журнал предоставляется по себестоимости+почтовые расходы.) В указанную стоимость входит также рассылка бесплатных материалов (каталогов, бюллетеней и т.д.)